

Александр ГЕРЗОН

Одиннадцать ночных рассказов

ISRADON

Израиль

2010

A.GERZON

Eleven night's stories

2010

© А.ГЕРЗОН, 2010

All rights reserved by the author. 2010

Все права сохраняются за автором.

«ISRADON», 2010

HERZLIYA, Saharov str. 95

Пролог

ОДИННАДЦАТИМЕСТНЫЙ НОМЕР

Приехав в столицу по командировке, я уже много часов сидел в мрачном вестибюле рекомендованной приятелем престарелой, чудом сохранившейся, гостиницы малоизвестного ведомства без надежды на место – и не предполагая, что меня здесь сегодня ждет нечто странное и неожиданное. И не только сегодня ...

Стрелки часов нехотя продвигались к полуночи. Веки смыкались, мозг бастовал.

Наконец, взорвалось терпение, я бросился к окошку и тихо обратился к женщине, на миг освободившейся от осаждающих ее клиентов:

- Помогите хотя бы сдать вещи в камеру хранения! Лучше уж бродить по ночному городу, чем продавливать это старое скрипучее кресло.

Усталая женщина окинула меня тусклым взглядом, который внезапно ожил, стремительно теряя равнодушное выражение.

- Паспорт!

- Что?

- Паспорт дайте.

Я с робкой надеждой подал документ.

- Конечно, это вы, - засмеялась она, указывая на фотографию в документе.

- А кто еще? - удивился я. – Не верите?

- Свету Удальцову помните?

- Удальцову? Конечно. Учились на одном курсе. А почему вы спрашиваете?

- Не узнали. Я же ее сестра. Я-то вас помню. Но еще без лысинки. Не бродите по городу, я вас устрою. Правда, номер - на одиннадцать человек. Один во всей стране, наверно, такой остался. Но я вас завтра переселю, Сергей (заглянула в паспорт) Дмитриевич.

Уже засыпая, я вспомнил ее: она была худенькой девочкой с косичками, которую моя однокурсница Света Удальцова, приводила на концерты художественной самодеятельности нашего медицинского института, а я был чтец, конференсье и ударник в эстрадном оркестре.

Свету направили в таежный район, она вышла замуж за пьяницу-тракториста, щедро поколачивавшего ее, сделала два аборта, но вспомнила, что есть и иная жизнь, вернулась в город. Ее статьи печатались и имели успех, а вскоре Удальцова оставила медицину и стала журналистом-профессионалом.

Она иногда печатала в своей газете мои статьи о медицине и очерки о медработниках.

За прошедшие годы ее белобрыся сестренка превратилась в крепкотелую шатенку, довольно приятную даму.

- Спасибо, милая, ведь те, несчастные, еще ютятся в вестибюле, а мне уже и поспать можно, - подумал я с благодарностью, засыпая.

От усталости я даже не обратил внимания на то, что в огромном номере никого нет. Веки мои сладко сомкнулись.

Но недолго удалось поспать: в комнату ввалились люди, включили свет и продолжали громкий разговор, начатый, видимо, давно уже.

- Нет, не верю, что есть баба, которая мужу не изменяла! - вякнул басовитый голос.

- В мыслях хотя бы! - поправил баритон.

- И не раз, и не раз! - добавил тенор.

- Друзья, да здесь кто-то новый спит!

- Верно. Жаль, опоздал мужик, - это первый голос, - взяли бы и его с собой в ресторан.

- Устал, наверно, с дороги. Потише!

- Наоборот! Давайте-ка мы разбудим его, разговор - интере-е-есный, он примкнет!

- Уже проснулся, - недовольно буркнул я, позевывая. - К чему я должен примкнуть?

- Приятель, извините: не разглядели вас с размаху. Тема спора острая: о любви и изменах.

- Выпейте с нами - и подсоединяйтесь! Сейчас мы будем рассказывать истории из нашей жизни. О любви и изменах.

Включили электрочайник, поставленный на единственный стол, появились бутылки, консервы, конфеты. И - лучшая, по моему убеждению, закуска под водку - сырые яйца: опьянение - долгое, но сравнительно легкое.

Я тоже выпил водки, закусив яйцом и паштетом из консервной банки. Первый рассказ показался мне циничным, нехорошим. Правда, за ним последовали самые разные излияния соседей: и трагические, и комические, и романтические.

Рассказ первый

КАЧАЮЩАЯСЯ КРОВАТЬ

- Расскажу я вам, мужики, как на духу, про тот случай, который мне всю жизнь, можно сказать, вспахал, - обнажил крепкие зубы в бесшабашной улыбке высокий блондин лет сорока пяти, оглядывая нас бесовскими серыми глазами, сверкающими из-под густых белесых бровей.

Я про себя назвал его *Бровастик*.

- Было это лет двадцать назад. Меня после автодорожного института послали в дальнюю автоколонну механиком. Опыта мне не занимать было: до института работал пару лет шофером в совхозе, возил директора по разным делам. Все секреты его знал. Понимаете? Водители меня приняли с подковырками, но увидели, что я в деле волоку, признали. Я был холостяк, жениться в городишке не собирался, но живой ведь был, потому и погуливал. Понимаете?

- Понимаем, - мрачно вставил тяжелый гигант с шотландской бородой, которому я тут же дал имя *Борода*. - Нельзя ли сразу к делу?

- Уже. В районном доме культуры театр открылся. От скуки записался и я. А руководить стал ссыльный режиссер - не из знаменитых, но москвич. Он, бедолага, застал жену с хахалем и выбросил того в окно с шестого этажа. Убитый хахаль большой шишкой оказался, потому режиссеру и припаяли на всю катушку, да еще к нам в Сибирь заслали. Понимаете? Звали его... Нет, не назову... Пусть будет он... ну, хотя бы Алексей. Мечтал он, конечно, вернуться домой, в столицу. Понимаете?

Раздались возгласы сочувствия.

Рассказчик продолжал:

- Алексей - не забыть бы имя - нас крепко учил: подтекст, сверхзадача, мизансцена, прочее. О великих актерах рассказывал. Я мужик видный, играл главные роли. Публика

меня обожала. Алексей в своей двухкомнатке со мной особо работал, талант из меня делал. И я ему был благодарен. А жена его все смотрела на меня долгими такими взглядами. От них неловко было. Короче, однажды он уехал зачем-то в областной центр. В Сибири расстояния немалые. Туда - триста кэмэ, обратно - столько же, вот тебе и сутки. Да и там, на месте, как ни спешу - еще сутки, не меньше. Понимаете?

Он улыбнулся, всхрикнул мрачновато.

- Я не знал, что он уехал, и пришел, как всегда, вечером после работы. Жена Алексея меня за стол посадила, стаканчик поднесла. Я сообразил, к чему дело идет, уйти хотел. Да где там?! Мать же ее, старая проб...

- Погоди, друг, погоди! Ты говоришь: жена, жена. Так что же выходит? Он после отсидки сошелся с ней? Или не разводился?

- Да нет! Той жене, московской, он, когда застал ее с хахалем, два ребра сломал - и все такое. И - прощай! А вторая была сама из каких-то ссыльных. Вместе с мамочкой сослали ее к нам.

- Ну, что же было дальше? - отреагировал Борода на отклонение от фабулы рассказа.

- Ушла ее мать в свою малюсенькую комнатку, сказавши с намеком, что спит она по ночам очень даже крепко, и заперлась там.

- Сводница старая! - вякнул басок.

- Что мы вытворяли в постели, не стану рассказывать: вы не мальчики. Бабенка оказалась *чемпионка*. Но вот ведь что случилось: чуть он из дома, она меня отыщет, притащит - и понеслась! Понимаете? А однажды...

Он запнулся, осмотрел всех. Глаза его бесовские все еще смеялись, а густые брови шевельнулись, нахмурились. Но ненадолго.

- Однажды Алексей пригласил меня в праздник, и она его нарочно упоила крепко. Это я уже потом сообразил. Он, бедолага, совсем окосел, лыка не вязал и, как куль, брякнулся на кровать. Тогда она мне и говорит:

- Пойдем в сенки. Хочу тебя, сил моих нет ждать до завтра.

А сама дышит, как помпа. Меня это тоже приподняло. Говорю:

- Держись-ка за спинку кровати!

Заголил ее сзади - и пошла скрипеть та кровать железная! Это еще сильнее вдохновляет!

- Проснется! - шипит бабенка. - Оставь!

Сама же спинку кровати не бросает! Понимаете? Я раскипятился и ничего знать не хочу, несет меня! Кровать же проклятая все сильнее раскачивается, скрипит, стонет, того гляди развалится... Понимаете?!

Слушатели не выдержали: хохот потряс огромную комнату. Борода поморщился:

- Несчастный этот так и не пробудился?

- Нет, он крепко упился. Наверно, во сне ехал в поезде.

Новый взрыв хохота взметнулся.

- А я окончил свое дело - и стало мне до того смешно, что хоть лопни. Как вам вот сейчас. Кое-как себя уговорил не смеяться, успокоился - и ушел. Но стало паскудно на душе. Понимаете? Не знаю, что было бы дальше, если бы не приглядел я сиротку-детдомовку. Медсестрой работала в больнице, а в самостоятельности - пела в хоре. Солисткой тоже бывала. Голосок - ангельский. Мы расписались - и нашел я с ней свое счастье. Понимаете?

- И это все?

- Если бы! Встречает меня на третий день после моей женитьбы Алексей и спрашивает,

почему не был на прошлой репетиции. Мол, скоро на конкурс областной выходить, а там, может, и дальше. И все такое! Понимаете? Я ему честно: женился - и никуда не хочется ходить, даже на работу, а только с молодой женой быть. Он обиделся: так готовил меня, да и самому ему лестно с нами на всякие конкурсы ездить, продвигаться. Все о своей Москве мечтал. А на меня надеялся больше всего. Может, и прав был. Если бы не случилось это ...

- Бросил ты режиссера и свой театр?

- Хуже: он меня через день нашел на моей работе, хмурый такой, спрашивает:

- Это правда, что ты с моей женой в интимной связи состоишь?

- Да что ты, Алексей, - говорю, - как ты мог такое подумать?

- Я-то не думал: она сама сказала. Плачет, истерика за истерикой! Каков, говорит, негодяй (это про тебя), женился, говорит, бросил меня!

- Алексей, - кричу, - клянусь, она сама на себя наговаривает! Тут что-то не так!

И смешно мне было, и стыдно. Он все смотрел в глаза мои. Потом буркнул:

- Та была сволочь, и эта не лучше. А тебя я напрасно пригрел на груди, Змей Горыныч...

- Да просто он был как мужик – ноль, вот и изменяли ему обе жены, - вякнул кто-то.

- Если бы! - возразил рассказчик. - А то, наоборот, у него все было очень да-да-да и даже более того, сама жена его призналась как-то. Понимаете? Загадка!

- Странно! - снова басовито вякнул тщедушный человечек с непропорционально большой головой, то и дело вскакивавший с койки во время рассказа и бегавший по комнате.

Я дал ему уже прозвище: *Головастик*.

Лицо его при слушании то и дело искажали гримасы, сменявшие одна другую с раздражающей скоростью.

- Нисколько не странно: она была *слаба на это дело*, и до меня у нее были мужички. Просто прикипела ко мне почему-то. Я рад был, что расстался с нею, но в дом культуры, конечно, после того - ни ногой. А к Алексею - тем более. Понимаете?

- Все? Закончили? - спросил Борода тихо и, как мне показалось, брезгливо.

- Если бы! Через шесть лет мы с этой... встретились на теплоходе. Она все еще жила с Алексеем. Меня вроде бы простила. В каюте была одна. Позвала, угостила водочкой, мои тормоза отказали - и вспомнили мы старое... Понимаете?

- Дурак ты, мужик, вот что! - осерчал Головастик, забежав быстрее по комнате. - Купился на бабью хитрость элементарно. А вышло - хоть плачь? Так?

- Что верно, то верно, - усмехнулся Бровастик. - Узнала о том моя женушка: кто-то постарался. Хоть и родила уже двоих детей, но не простила измены, и развелись мы. Слышал, что сошлась она недавно с главврачом больничным. Тот ради нее бросил жену и сына. Хорош гусь! А она?! Меня выгнала, а сама - семью разбила.

- Не вам ее осуждать! - сурово и даже как бы грозно заявил Борода.

- Это тоже верно, согласен. Я потом уехал подальше, жениться больше не стал. Так и живу бобылем. Конечно, пришлось платить алименты. Детки мои уже большие. Пишу

им. Не отвечают: видно, не дают им моих писем старшие. Но женщин при случае не упускаю. Понимаете?

Он снова настойчиво улыбался.

- С тобой все ясно, друг. Кто следующий, а? - спросил активный Головастик, прерывая

возникшее раздумчивое молчание.

- Давайте я, - решил плотный мужчина с лицом, в котором было что-то карасье.

Я его так и внес в память: *Карась*. Карась этот был одет в дорогой костюм и казался человеком преуспевающим.

Рассказ второй

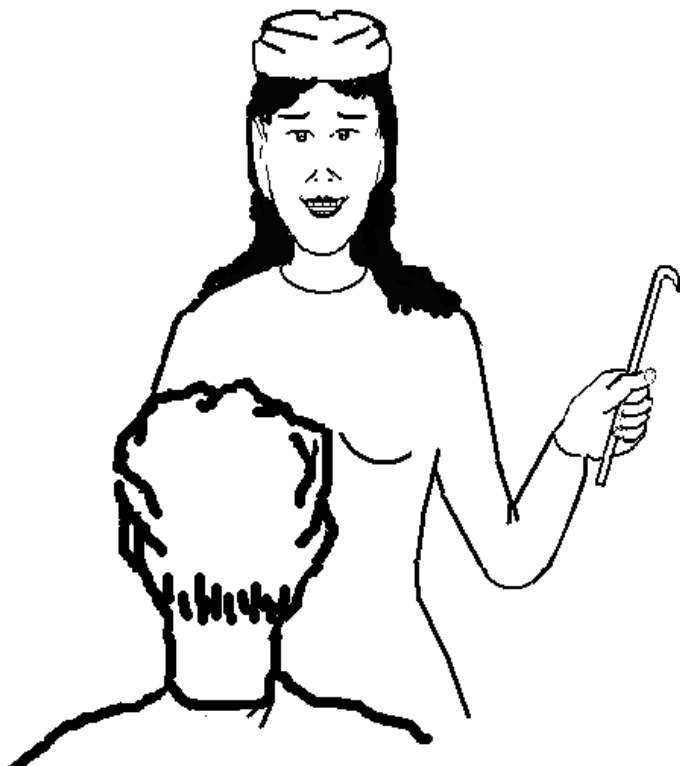
КОЧЕВНИКИ

- Я, видите ли, женился сразу после армии на своей однокласснице. Родители ейные и мои старики были, видите ли, старые друзья, мы с ней дружили еще в школе. Свадьбу сыграли - врагам на зависть. Богатая свадьба была! Жили мы с Зиной дружно, хозяйство вели толково, и потому через семь лет у нас был и дом крестовый новый, и огорожок с теплицей, и мебель красного дерева, и печи самолучшие. И все это, видите ли, сделал я сам, моими умелыми руками. И успевал учиться в институте заочно.

Зина работала зубным врачом, знакомым потихоньку ставила золотые коронки, ну а я преподавал в школе механизаторов и тоже на заработки не жаловался. А надо - и кран возьмешь на выходной, и бульдозер, и самосвал. На восьмом году купили «Москвич». Ездили на нем в гости. Юрика, сына-шестилетку, брали с собой. Я ему даже руль давал в ручки; конечно, сам вел, но и он - вроде бы тоже.

- Как в сказке: без облачка, - не выдержал предыдущий рассказчик.

- Да, как в сказке. Но как-то разболелся у меня зуб. Зина стала лечить, но мне показалось, что она делает мне больно без надобности, мы поссорились, правда, не очень сильно. И пошел я к другой зубнице. Сел в кресло, а она, видите ли, мне улыбается вот так, и вроде боли я не чувствую. Замужняя бабенка, но глазищи... обещают! И вся такая игривая: от глаз до пяток - все так и играет. Это словами, видите ли, не передать.

- Не передать, - взвеселились мужчины.

- И я тогда, чтоб не показаться невеждой, сделал ей комплимент, другой. Какая, мол, вы, видите ли, вся такая какая-то!

А она мне:

- Потому что вы такой приятный пациент! Но я, мол, знаю, что вы около своей Зиночки, как петушок около курочки. А других курочек не видите или не хотите видеть.

И вздохнула.

Я скорей сбежал: испугался, можно сказать. И все бы прошло, но тут, видите ли, случилась свадьба у одной врачихи, и та невеста медиков с семьями пригласила. Вся больничка привалила на свадьбу. Пили крепко. Хватало и чистого спирта, и браги, и самогона, и всяких портвейновых.

Тут вдруг вижу я, что Нинка (зубнику ту другую Нинкой звали) подмигивает мне и на дверь показывает глазами. Я, дурак, спяну-то кивнул ей. А в голове - шум, глаза разбегаются. Вышла Нинка, и через минуту - я тоже.

- Незамужняя? - спросил Бровастик.

- Сказал уже: замужняя. И муж такой, видите ли, высокий, на лицо приятный. Он с самого начала перебрал - и уполз домой один, без жены. Думаю, Нинка об этом постаралась, змея. Как твоя режиссерша. Только вышел я, Нинка сразу же кинулась ко мне, стала целовать. Да как! Сами знаете, что такое - умелый поцелуй: захватило меня - и вконец потерял голову. Был, видите ли, январь, мороз. Но мне - море по колено! А эта бл... целовала, прижималась, и так по мне руками водила, что не заметил я, видите ли, как моя Зина вышла. Сильно обиделась жена, ушла вмиг с той свадьбы домой. На прощанье крикнула, что все между нами кончено. Я кинулся было за ней. А Нинка вцепилась в меня - и шепчет, и стонет:

- Сейчас она не станет разговаривать с тобой. Давай лучше доведем дело до конца. Хуже не выйдет! Была Зина, будет Нина, одна буква разницы! Я тебе такое обещаю, видите ли!

Уволокла меня в теплый сарай. Очень хотела она меня! Или вообще хотела... И вот что случилось: в сарае была корова, и ейное мычание и тяжкие вздохи меня до того раззадорили! В общем, оказался я, как говорится, на высоте. Сама Нинка сказала. Короче, спасибо той корове!

Засмеялись, зашумели слушатели, начали припоминать подобные случаи.

- Вот такое же чудо со мной приключилось как-то однажды, - слышался мощный бас.

Показалось даже, что стены задрожали от него. Этот бас исходил из большого толстогубого рта, рот помещался в красивой седой голове, сидящей на крепком теле. Рот улыбался. Глаза же были устало грустны. По голосу я назвал седовласого: *Бас*. И тут же зачем-то окрестил его расширенно: *Бас-Губас-Седовлас*.

- Проверял я колхоз, - улыбался Бас. - Мы с женщиной-зоотехником были на ферме. И вдруг бык взобрался на корову. Тут разум мой отказал: я тоже захотел. До боли! Наверно, и на женщину подействовало, потому что она не только не сопротивлялась, а наоборот! Наваждение! И чудо, что свидетелей не оказалось рядом. А то и мне, и ей быть бы разведенными.

Переждав бурную реакцию слушателей,

Карась продолжал:

- Зина за тот поцелуй как бы простила меня. О сарае же, видите ли, она не знала. И никто не знал. Я же сам стал еще больше заниматься хозяйством, к жене все время подходил с лаской, старался быть нежнее прежнего. Замаливал грех свой поганый. Но прежнего промежду нами уже не было. А родители ейные нет-нет, видите ли, да и намекнут, какой я неблагодарный и ненадежный. У меня от всего этого внутри закручивалось как бы пружиной что-то, видите ли, но до поры не прорывалось. Да-а...

Однажды понесло меня на прием к Нинке. Зина в тот день в отъезде была, а у меня зуб выщербился: я проволоку зубами перекусывал, как всегда, да в тот раз не рассчитал, сталь оказалась очень уж крепкая.

Дождался очереди (я как раз последний был), вошел. Сел в кресло. Она посмотрела

и головой покачала: ничего, мол, сделать нельзя. Тут ейная медсестра ли, санитарка ли, отпросилась домой. Остались мы вдвоем, Нинка - р-раз - и давай целовать меня. Я, видите ли, снова захотел ее. Не до зуба стало! Она, Нинка, тоже про зубы мои не спрашивает, дрожит, горит вся. Шепчет:

- Иди в Меркуловскую рощу, я тоже пойду туда чуть погодя.

Шагаю в рощу, а самого тоска за горло схватила, говорю сам себе:

- Дурак, что делаешь? Узнают ведь! Потеряешь семью! Опомнись!

Ноги же, видите ли, несут туда.

И с той поры стали мы встречаться. То в Меркуловской роще, то за речкой, в старом Елизаветинном бору. Но шила в мешке не утаишь: прознали дома про то. С поличным выследили нас. И был, видите ли, жуткий скандал. Что делать мне после того? Дома, ясно, нельзя было оставаться. Ушел к холостому приятелю. Юрик, сынок мой, обозлился шибко на Нинку, повыдергал на их огороде всю морковь, потоптал картофель, испорожнился. И смех, и беда. Все со мною, как с заразным здороваются, руку не подают, кое-кто и здороваться перестал. То же и у Нинки. И мужу ее наклепали. Пришел он, принес бутылку коньяка и говорит вежливо:

- Надо бы нам, видите ли, разобраться в том, что происходит.

Дружок мой, у которого я жил, посмотрел на меня с вопросом, но я кивнул ему: уходи, мол. Я владею самбо, телом покрепче гостя, да и сам он был не из таких, кто станет себе контузию выпрашивать: интеллигент, кандидат наук. Когда выпили и закусили, он говорит:

- Вы не думайте, что я осуждаю вас. Все мужчины, видите ли, *полигамы*. Дело в ней. Такая она у меня. Мы уже не одно место сменили из-за этого. Приедем, она продержится какое-то время - и не выдержит, оступится. И с такой любовью про нее:

- Она ведь хорошая женщина: добрая, ласковая, хозяйственная. И детей любит, у нас две девочки: семь лет и два годика. Но вот такая, видите ли, беда. Придется нам и отсюда уезжать. Вы ее сильно полюбили, извините за нескромный вопрос?

Сижу я, выпиваю с ним, слушаю его - и ничего не понимаю! Это что за мужик?! Да избил бы ее! Убил бы меня! Ну, хоть бросил бы ее! А он еще извиняется! Дурак, что ли? Или, может, импотент? Или просто псих ненормальный?

- Да, надо уезжать, - говорит, - я вижу, вы ее не сможете бросить. Общественное мнение тоже сложилось нехорошее. Прощайте.

И ушел.

- Это все, да? - разочарованно спросил небольшого роста кубический мужчина с горбатым носом и пустым правым рукавом.

Левой, трехпалой рукой он орудовал с удивительными ловкостью и силой, откупоривая новые бутылки и вскрывая консервные банки. *Трехпалый* - так назвал я его.

- Куда там! - вздохнул Карась. - После него, через час или побольше, заявляется сама Нинка и кричит дурным голосом:

- Ты дал ему слово, что бросишь меня? Ты отпустишь меня с ним, постылым? Если так, то я покончу с собой!

Заплакала, грохнулась и катается по полу. Я не выдержал: пообещал, видите ли, сделать все, что она хочет. Нинка не встает и кричит все тем же дурным голосом:

- Надо все бросить и сейчас же уехать! Не то утоплюсь или повешусь. Верно говорю!

Эх, дурень я! Испугался, согласился. Все мы бросили: супругов своих, детишек, работу, жилье - все! Уехали в другой городишко, устроились на работу. Сняли комнатку у старушки. Бабка готовила, стирала, мы же одно только дело дома знали, видите ли.

Кое-кто захмыкал, некоторые засмеялись, Бас нахмурился.

- Так тянулось все это месяца полтора, - продолжал караселицей, - и затосковал я по Зине, по Юрику, по работе своей былой, по друзьям.

Зина через людей от меня все развода требовала, но я согласия не давал: надеялся, что как-то обойдется, что вернусь еще к ней и к сыну. Вкалывал же я в местном леспромхозе бульдозеристом. Вкалывал крепко, но и зашибал будь здоров. А зачем? Нинка приелась до рвоты, семья ночью снилась мне. С горя бутылку за бутылкой покупал. Напивался. Ссориться стали.

И тут, видите ли, случилось так, что послали меня в командировку - помочь в соседнем леспромхозе. Сказали, что на две недели. Я даже обрадовался: какая-

никакая, а перемена жизни. Нинка проводила меня со слезами, просила приезжать поскорее.

- А вышло, как в анекдоте: вернулся-то раньше срока и увидел в своей родной постели

гостя незваного? - догадался Головастик.

Захохотал насмешливо, бегал по комнате быстренько, яростно потирая короткопалые ручки.

- Точно. Бил я обоих до полусмерти, выбросил на улицу, а сам, видите ли, спрашиваю себя: где же бабка, хозяйка проклятого домишки? Не померла ли в одночасье? Только подумал, а она - легка на помине - прибрела, засуетилась. Спрашиваю, где была, почему уходила. Я, мол, все знаю, сука старая!

Испугалась старуха, завывала и выложила все: Нинка, видите ли, дала ей пятерку, чтоб ушла часика на три. А хахаль, мол, еще до моей командировки забегал сюда. Ну не сука ли та зубниха поганая?! А я-то, я-то не мудака ли?! В общем, уволился, сел в попутку и - домой. Снял угол, жил монахом.

И тут приехал в командировку старый друг мой. Он, оказывается, стал в области большим начальником. Выпили, я раскрылся ему, и он меня - рраз! - ставит директором леспромхоза как члена КПСС! Я ведь член партии с сорок третьего. Вот такой поворот! Только не для Зины. Приду к Юрику с гостинцами, посижу с ним на крыльце, поговорим. Спросит, когда вернусь - пообещаю, что вот-вот, да ведь не от меня зависело. От матери его, Зины. Платил алименты без суда, ползарплаты отдавал, все надеялся на прощенье. И дождался. Впустила жена обратно.

- Ради Юрика, - сказала.

Только не пожилось: все будто стояла промежду нас бл... ща Нинка, видите ли. Вот как-то жена и говорит мне:

- Уходи, не могу больше себя насиловать, не могу быть с тобой в постели. Давай разведемся, поделим имущество. Юра от тебя, мол, не сокрыт, с ним можешь свидываться. А лучше бы совсем уехал. И тебе, видите ли, будет легче, и мне.

Уехал. Потосковал-потосковал по семье потерянной, да жить-то надо как-то. Взял в жены кандидата наук, вдову с сынишкой. Живу с ней мирно, спокойно. Женщина очень хорошая. Парнишка зовет меня папой. Ласковый. Бросал я институт заочный, но заставил вернуться туда и помог мне с дипломом тот самый старый друг, повысил на работе, я директор треста. Все у меня есть. И здесь в гостинице номер был забронирован, да вот прилетел я на день раньше, ладно хоть сюда кое-как попал вчера.

Он выпил, не закусывая, сказал горько:

- А снятся мне по ночам Юрик да Зина.

Мне показался он жалким, запачканным чем-то липким, скользким, не отмываемым.

- А Нинка-то, зубниха, успокоилась, не преследовала тебя? - спросил Бровастик.

- Зачем я ей? Кандидат тот снова с ней сошелся, увез. Сменил, видите ли, город. Больше я о них и не слыхивал: городов в России много.

- Кочевники поневоле. Так они и будут переезжать до конца жизни одного из них, - заключил мрачно Борода.

- Мужик первый дуба даст. А она еще дураков найдет, - злобно взлаял Головастик.

- Пока кто-нибудь сам не столкнет ее в гроб! Повеселей бы чего-нибудь, а, мужики? Давайте еще выпьем для интереса!

Карась заботливо налил всем, Головастик выложил на стол еще десятка три сырых яиц из огромного портфеля. Спросил деловито:

- Ну, кто порадует? Посмеяться хочется! Но можно и слезу пустить! Лично я готов!

Рассказ третий

ЛЮБВЕОБИЛЬНАЯ

- Боюсь, что мой рассказ тоже не будет веселым, - ссутулился худенький человек с большими, грустными глазами под огромными очками в роговой оправе, - я все еще под

впечатлением горестного конца моего друга, и мое повествование пусть будет поминальной речью о нем, вечная ему память.

Я назвал нового рассказчика *Мужчинчик*

Сутуленький. Или просто *Мужчинчик*. Или просто *Сутуленький*.

- Вот уж не надо траура, - басисто вякнул Головастик. - Договорились же!

Он был так же мал и тщедушен, как и Сутуленький, но весь - пружина, весь - энергия,

он не находил себе места, продолжал вскакивать, совершая короткие пробежки.

- Ладно, ты сам нас повеселишь, - бросил Карась. - Дойдет и до тебя очередь.

- Мы с Геннадием сдружились, когда пришли в техникум и попали в одну группу, - продолжал большеглазый Мужчинчик. - Знали и раньше друг друга: жили на одной улице. Но были в разных школах и в разных компаниях. А тут и на занятия, и домой ходили вместе, общались откровенно - и подружились. Гена тайно от всех писал стихи, я - тоже. Мы читали свои опусы друг другу. Мои строки были трагичны, его - жизнерадостны. В них как бы солнце светило. Я восхищался ими. Геннадий был сын матери-одиночки. Это смущало его, хоть он по природе оптимист. К несчастью, и мать его умерла. Он стал за станок, бросил учебу. Я же увлекся одной девушкой настолько, что едва не заболел.

- Безответно увлекся, что ли?

- Да! Безнадежно. Моя королева меня понимала, стихи, ей посвященные, милостиво принимала, но как мужчину - игнорировала.

- Не диво: самец ты не крупный, не боевой, притом, видно, - *странный мечтатель*, - пояснил Головастик, - они же, бл...и, любят сильных и веселых. И - высоких.

- Но именно странный мечтатель может оказаться человеком, знакомством с которым мы похвастаем, господа самцы, - с веселым гневом изрек странный Борода.

Наступила напряженная пауза. Больше всех смутился, казалось, сам Мужчинчик.

- Мое чувство выбивало меня из колеи, и я долго не знал, как идет жизнь Геннадия, - продолжал Мужчинчик. - Но он сам нашел меня, и дружба возобновилась. Поэтому после защиты диплома я попросил направить меня на тот же станкостроительный завод, где работал он. Я стал технологом в цеху, где работал он расточником. Зарабатывал он вдвое больше меня: работал сдельно и по высоким расценкам, был новатором, даже несколько изобретений сделал. Конечно, за это Геннадия уважали. И не только. Его любили за доброту, за участливость, за веселые рассказы в заводской многотиражке и за рифмованные острые фельетоны с одним и тем же подзаголовком, как бы призывом: *«Друг, читай, рассуждай и на ус себе мотай»*.

По просьбе редактора он оставил станок и перешел в многотиражку. Заработок его упал, но сама работа влекла, радовала. Он поступил на литературный факультет университета. После внезапной смерти любимой матери Геннадий пал духом, запил. Но вдруг женился. Моя любимая в те дни тоже вышла замуж, лишив меня последней надежды. Вышла за одного из моих товарищей, который знал о моем чувстве, но не ревновал: то ли верил жене, то ли меня в расчет не принимал. Сами видите, какой я.

Как-то зазвал меня Геннадий в гости, и я смог познакомиться с его избранницей. Что вам сказать? Была она собой хороша: лицо красивое, фигура стройная, зубки просто прекрасные, жемчужные. А уж брови! Веселой казалась и даже доброй. Но было одно «но»...

- Какие могут быть «но», если все при ней?! - озлобился, забегал яростно Головастик.

- Она не любила и не уважала Геннадия. Что может быть хуже?! Алла не говорила этого вслух, но ее поведение показывало пренебрежение недалекой женщины, не способной ни понять, ни оценить того сокровища, которое для другой было бы даром Небес.

- Ну уж сокровище! - покривился Карась.

- В то же время она прибегала в редакцию многотиражки, и если там оказывалась молодая женщина, поднимала шумный скандал, выражала или изображала ревность этим, пока одна из таких жертв не надавала ей, как следует, до синяков. Но Геннадий все еще любил и похвалял жену:

- Она такая любвеобильная! Такая!

Однажды мы столкнулись вечером. Он шел, понурился, я его окликнул. Он взглянул мне в глаза отрешенно. На вопрос о жизни не ответил, но предложил вместе выпить. Я не посмел отказаться, надеясь помочь ему, узнав хоть что-то о его состоянии и причинах такого подавленного настроения.

В ресторане компания заводских сразу же приняла нас к своему столу. Все хвастали своими любовными похождениями, количеством своих женщин до женитьбы. И тогда встает мой друг и говорит, как бы вызывая всех нас на дуэль:

- Я пришел к своей жене девственным - и горжусь этим! И я ей верен! Навсегда! Вот так!

Все ошеломленно умолкли, но вскоре выпили за что-то, потом - за другое. Потом мы потеряли меру - и я обнаружил себя в горсаду лежащим на скамье. Рядом сидел Геннадий и рассказывал, видно, продолжая ранее начатое:

- Пришли мы из загса. Выпили чуть-чуть на счастье и погасили свет. Целовались, как и раньше. Но недолго. Она шепчет:

- Раздевайся.

Я только того и ждал. Разделись. И оказалось, что мы оба не знаем, как надо это делать. В конце концов, удалось. И тогда обнаружилось, что моя Алла любвеобильна: за ночь мы не сомкнули глаз. Правда, под утро она со смехом жаловалась на боль. Потом попросила:

- Покажи мне *его*.

И удивилась:

- Какой большой!

Геннадий улыбнулся вяло и опустил голову.

Снова после паузы заговорил.

- В дни призыва военкомат включил ее в медицинскую комиссию, и после этой комиссии она сообщила, будто между прочим, что не такой уж *большой* у меня. Она *так и х* насмотрелась в комиссии! Я расстроился: не от того, *что* она сказала, а от того, *как* сказала это: словно я *виноват* в том, что у других *что-то* больше, чем у меня.

Геннадий замолчал. Я догадался, о чем расскажет друг, боль сочувствия вошла в грудь. А он, сдерживая, как мне казалось, подступающие рыдания, говорил и говорил:

- В июле она ездила по путевке в Кисловодск: у нее с желудком было нехорошо. Вернулась - и вскоре получаем на ее имя посылку из Грузии: орехи, виноград, айва и прочее. Я спросил ее, кто это прислал и за какие заслуги. Хохочет жена моя:

- За мои красивые глаза.

Потом объяснила: была, мол, семейная пара грузинская, они с ней подружились, вот и прислали. Я ей почти поверил, да и не ехать же выяснять! Но пришла еще посылка, еще одна...

- Ясно, - забегал Головастик, гогоча. - Твой друг на свою голову лечил свою стерву!

- Посылки, к удивлению Геннадия, имели *разные* обратные адреса: от одной семьи, от второй, третьей. Не много ли семей?! Семей ли?! Тяжело было слушать друга. Он спросил, не презираю ли я его за то, что он *все это* терпит. И, как говорится, попал в десятку. Но я не хотел его расстраивать, начал подбадривать, приводить примеры из литературы, ну и все такое. Потому что понял, что он пока не в силах порвать с распутной женой. Проводил он меня, потом - я его. И утро застало нас в этой бесконечной прогулке.

В том году Алла родила мальчика, очень милого и похожего на Геннадия удивительно. Мой друг стал от этого счастлив. Он много внимания уделял сынишке. Доктора Спока изучал, Макаренко, Песталоцци и прочих. Особенно его интересовал и потрясал Януш Корчак. По его примеру он начал сочинять детские сказки, но не записывал, никуда их не посылал, только отпрыску рассказывал.

Казалось, и с женой все наладилось: он снова утверждал, что все недостатки перекрывает ее *любвеобильность*.

Я вскоре уволился с завода и устроился конструктором в престижном НИИ. Родители умоляли меня жениться. Я же не хотел: я был счастлив тем, что счастлива моя

любимая. Я гостил там довольно часто, играл с ее детьми. По-прежнему дружил с ее мужем. Лет шесть не виделись мы с Геннадием.

И вдруг они с Аллой появляются у нас в квартире. Алла обнимает меня, прижимается и спрашивает, смеясь и не обращая внимания ни на Геннадия, ни на моих стариков:

- Скажи, ты меня любишь?

Как бы шутит, бесстыжая.

- Конечно, - говорю, - люблю.

Тоже как бы шутя. Что мне оставалось?

Сели за стол. Она *жрет*, извините, будто из голодного края, а ему запрещает, хихикает:

- Тебе котлеты повредят: я съем и твою вкусную котлетку. Кофе не пей, это же вредно тебе. Отадай мне твою чашечку кофе! Какой аромат! Дай мне твою мандаринку, Геша, я их так люблю, так люблю!

Пробыли они у нас не так уж долго, но след от визита остался тяжелый. Едва дверь за ними закрылась, мама меня спрашивает:

- Почему эта женщина так панибратствует с тобой при муже и почему ты ей не указал на ее место? Между вами что-то есть?

- Почему она так пренебрежительно относится к своему мужу и почему она это так демонстрирует? - спросил отец. - Не было ли у тебя чего-то с этой наглой красоткой?

Я им сказал в ответ, что не только не было у меня ничего с этой дамой, но и быть не может. А что ведет она себя так, это не моя вина.

После успешного завершения одного важного проекта пошли мы прямо с работы всем отделом обмыть полученную премию. И снова свела меня судьба со старым другом. Он был там один. А когда мужчина один сидит в ресторане вечером, это - дурной симптом. Впрочем, и в большом общем застолье можно быть одиноким.

Я подошел, поздоровался.

Он был уже пьян.

Мне не обрадовался, равнодушно ответил на приветствие и подсесть не пригласил. Но я все же, извинившись перед своими товарищами, подсел к нему.

- Как дела? - спрашиваю.

- Нормально. Жив, как видишь. Еще жив. Иди к своим, - говорил друг, еле ворочая языком.

Меня и в самом деле позвали. А когда я захотел продолжить беседу, Геннадия уже не было. Я почувствовал угрызения совести, заставившие меня навестить старого друга.

Любвеобильная Алла встретила меня в дверях, обняла, повисла на мне, захохотала и поцеловала основательно. Геннадий и бровью не повел. Сели, выпили за мой визит. Закуска оказалась неплохой: готовить Алла умела. Но я чувствовал себя гадко. Потому что уже через несколько минут она как бы шутя полезла мне, извините, в штаны. Да-да, представьте себе!

А Геннадий улыбается. То ли доверяет мне, то ли все равно ему. Я не вынес и ушел. Сбежал!

Оказывается, так она вела себя не только со мной. Рассказывали потом его приятели.

Я снова долго не видел Геннадия. И вдруг узнаю, что он лежит в онкологическом отделении, что он плох и его наркотиками колют, потому что боли у него - невыносимые. Узнаю, что в последнее время он часто ссорился с Аллой, что они дрались ежедневно, что соседи даже милицию вызывали. Что на заводе все знали о его болезни, которую он скрывал, но прикидывались, будто не знают.

Сам же он шутил по-прежнему, писал статьи, очерки, фельетоны, но худел, желтел. Вернулся в производство, расточником. В газету ничего писать не стал. Но дела его шли все хуже. Операцию врачи признали невозможной. Применяли химиотерапию, от которой он слабел еще быстрее, чем от самой болезни. Алла, как узнала про страшную болезнь, попросила перевести ее на работу с длительными командировками. Дома теперь почти не бывала. Сына их, уже студента, забрала к себе ее мать, которая в

другом городе живет. Заводские же товарищи не бросили Геннадия. Навещали, подбадривали. Жалели.

Когда я навестил его, то ужаснулся: это было не его бывшее крепкое тело, а желтой кожей обтянутый скелет.

- Скорее бы конец, - шепнул он горестно.

Медсестры рассказали, что просил он их впрыснуть ему что-нибудь, чтоб не мучился. Одна из них, совсем молоденькая, доверилась мне:

- Жаль его, уколола бы, да грех ведь...

Позавчера я опять пришел в больницу, назвал его фамилию, а регистраторша смотрит на меня как-то нехорошо. И спрашивает:

- Вы кто же будете *п о к о й н о м у*?

Я ей ничего не ответил, развернулся на сто восемьдесят - и едва с ног не сбил Аллу. Она спросила, как мои дела, буду ли я на похоронах - будто на именины приглашала. Я хотел сказать что-то плохое, но не смог: в горле пересохло. Махнул рукой - и ушел. Винил себя: не спас вовремя друга. Но как бы смог?! На похоронах я стоял одиноко, с трудом удерживая слезы, и думал о том, что если бы не эта бабенка, не было бы у Геннадия постоянного стресса, он не заболел бы, долго радовал бы друзей стихами, статьями и фельетонами. В тот же вечер НИИ направил меня сюда в научную командировку. Это смягчает хоть немного мою боль. Вот и все.

Головастый попрыгунчик вдруг сказал проникновенно, без нотки иронии:

- Хороший мужик был твой друг, верю, да достался-то он *не той*. Не той достался! Не то-ой!

Проникновенность перешла в ярость, последние слова прозвучали волчьим воем.

Рассказ четвертый

РОГАТЫЙ РАЗВРАТНИК

Он вскочил, забегал вперед-назад:

- Ладно, расскажу о себе. Хотите? От смеха, может, и не умрете, но и слез не жду.

Проглотил одним разом полстакана водки, выпил сырое яйцо, отломил кусок хлеба, нюхнул - и, жуя его, начал рассказ. Время от времени он вскакивал. Побегав, снова садился.

- Мой отец был алкоголик, а мать - больная и забитая женщина. Водку и я, как отец, рано полюбил, ради нее уже с пятого класса подворовывал. Хулиганил. Так было со многими детьми бедняков. Не смотрите на меня, как Ленин на мировую буржуазию. Знаю, что говорю.

Оказалось, что руки мои - золотые, и уже в седьмом классе я с успехом помогал соседям ремонтировать всякие электроприборы, замки, паял кастрюли, краны менял. Воровать бросил.

Платили неплохо. Водкой угощали. Отец мои деньги отбирал: для семьи, мол. А сам пропивал их. И все же труднее стало нам жить, когда он попал под машину и мы осиротели. Пошел я на завод, в электроцех, поступил в вечерний техникум. Как бы за ум взялся.

И рисовать начал, получалось неплохо. Стал из-за этого ходить в музеи, на выставки.

В группе я подружился с приятненькой девчушкой. Я, как сами видите, не из длинных, а она была как раз моего росточка, если не на высоких каблуках. Работала контролером в соседнем цехе. Но важно не это, а то, что сперва она дружила с одним заводским парнем, пока не пробежала какая-то черная кошка между ними.

Рассказчик все продолжал садиться на койку и вскакивать, бегал по комнате. Подошел к столу, снова плеснул в стакан, выпил залпом водку, потом - яйцо, зажевал хлебом. Вытер рукавом губы, согнал гримасу и продолжал.

- Рита была пухленькая, фигуристая, и я запылал к ней, как поется, страстью роковой. Поженились. Мне было всего восемнадцать. А надо вам сказать, что первый друг ее, Анатолий, целку ей сломал. Первого они, бабы, всю жизнь помнят. Рита призналась мне сразу, что если он когда-нибудь ее позовет, то она тут же и уйдет к нему. Неплохо для молодоженов, да? Ну, что бы вы сделали на моем месте? Тут же

ушли бы? А я не смог уйти, она ведь у меня была первая! Я без ума любил ее. Лез со своими ласками и днем, и ночью. Надоел этим ей, видно. Учебу запустил, ночью со смены убежал домой. Рисовать себя она не разрешала, и я из-за этого на время свое рисовальное хобби забросил.

Тут-то меня, голубчика, и призвали в армию. Служил я ох и далеко от наших мест, в Прибалтике. Риту во сне видел, и все время - с Анатолием вместе. Писал ей слюнявые письма. Она отвечала редко, но довольно ласково. И вдруг - письмо от одной старухи, которой я ремонт электрочайника когда-то делал.

И пишет проклятая ведьма, будто моя жена ночует с Анатолием. Вот вам и сны! Можете посмеяться, кто хочет. Потому что и в самом деле я был смешон. И это злило меня. Попросил отпуск на десять дней – велели подождать: международное, мол, напряглось. Я все объяснил старшине, он мне и предложил:

- Не нервничай, сходим к девчатам в увольнение: расслабишься, утетишься, а с женой разберешься, когда отслужишь и вернешься.

Я хоть стеснялся, но пошел. Мы выпили, закусили, приступили к танцам под радиолу. Мне досталась смазливенькая белобрысая девчужка, небольшого росточка. И напомнила она мне Риту.

Белобрысая между танцами подсунула мне журналчик заграничный с фотографиями раздетых красавиц в разных позах, ласкала меня смело, но ласково и осторожно. Я и в самом деле начал вроде как бы забываться, расслабляться. После долгого танго партнерша уволокла меня в кухню, влила в рот коньяку, всунула шоколадку и выключила свет. А на полу уже старый рваный матрац лежал, ждал нас и подмигивал своими дырами.

Девчонка была опытная, она меня так раскочегарила! Прошло все о-кей! Но я вроде как бы оставался не с этой белобрысой, а с Ритой. Честное слово. Зачем мне врать вам? Встали. Девчоночка свет включила. И спрашивает, как ни в чем не бывало:

- Пожрать, наверно, хочешь, солдат?

- Да нет, - говорю, - наелся. Спасибо тебе.

Смеется. Обняла, прижалась, целовать стала. Смотрю на нее: такая миленькая, - и тут я вроде как бы забыл Риту. Подружку развернул, пристроился сзади, а она в табурет, что к стенке прижат, уперлась руками. И слышу вдруг чавканье. Думаю: что это, где это? Оказывается, белобрысая поставила на табурет блюдо с винегретом и прямо ртом ест с блюда. И потому чавкает. Смешно мне стало, но и обидно: со страстью стараешься, что-то даже просыпается в душе, а винегрет несвежий на табурете ей дороже моего страстного старания.

Раздался дружный хохот слушателей. Он долго не умолкал, прерываемый короткими всхлипывающими репликами.

- После этого регулярно вылезали мы со старшиной и другими верными ребятами туда, в этот притон, запросто менялись девочками, и я приехал домой, конечно, не таким слюнтяем, каким уехал. Совсем другим человеком. Бывалым.

Была у меня папка рисунков той веселой блондинки. Она раздевалась и позировала. И подружек ее рисовал я – получалось похоже. Но папку украла белобрысая перед моим отъездом.

На вокзале встречали меня Рита с Анатолием, но я не стал разборку устраивать: он в два раза тяжелее меня, надо его ножом или дубиной; а во-вторых, с женой мы теперь стали вроде как бы квиты. Даже мой счет был богаче. Конечно, хотелось прибить их обоих, если сказать правду. Но я подумал, что он у нее один, он и до меня был, вроде как бы родственник. Это лучше, чем много чужих и незнакомых. Я же сам уже *поимел и всяких, и по-всякому*. Даже с сеансом одновременного винегрета.

Слушатели снова всхохотнули, но коротко и не сильно.

- Как-то по злобе я все же сказал жене, что знаю о ее шашнях, - продолжал Головастик, - а Рита мне спокойно и даже с обидой:

- Не надо верить сплетням.

Я вроде как бы согласился, но Анатолий к нам все ходил, и стало мне тошно. Подружился с деловыми и веселыми ребятами на работе. Вместе халтурили, потом пили и – налево, к веселым дамам. И меньше я благодаря этому переживал. Слухи об этом

однако же дошли до Риты. Сказала мне она со злостью, что ей все известно о моих мерзких походах. Тут я ей ее же словами возразил:

- Не надо верить сплетням.

Теперь я не только любил рисовать, не только: теперь стал я фотографировать голеньких, да и подстригал им лобок красиво так перед этим.

Снова раздался короткий взрыв смеха слушателей, только Борода поморщился.

- Я полюбил всяческую *порнуху*, был уверен, что живу правильно. Читал книги по сексу, вроде как бы учился. В какой-то книге прочитал, что любители секса, такие, как я, зовутся эротоманы. Мне это слово понравилось.

Выпью, бывало, и гордо объявляю партнерше:

- Я эротоман!

Когда Анатолий навевывался, выпивали мы и с ним крепенько. Иной раз он ночевать оставался. Укладывала она его на пол, а я, хоть и пьяный, всю ночь ждал с ножом под подушкой, когда же она станет перебираться к нему. Под утро засыпал. Наверно, как раз под утро Рита и Анатолий... просыпались для... этого...

Слабый и коротенький чей-то смешок вызвали эти последние слова рассказчика.

- Потихоньку я стал алкоголиком. Границ не знал. Бузил. Терял авторитет. Однажды не выдержал и полез с Анатолием драться. Здорово он меня избил. Тогда я - за нож, а он - приемом, чуть мне руку не сломал. И еще понасмехался. Это был такой позор для меня! И я задумал прикончить Анатолия. Купил у знакомого вора пистолет. Зарядил. И жду гостя. Стиснул зубы - представляю, как в него пули всаживаю.

Но тут беда пришла такая, что не до Анатолия стало. А вышло вот что.

Подались мы с двумя любителями секса к девчатам в общежитие стройтреста. Накололи трех девиц, но в той общаге нельзя было. Пошли к одному из приятелей, он у старика на окраине комнату снимал. Вот натешились мы досыта, и вдруг захотелось мне доброе дело сделать. Говорю своей партнерше:

- Дала бы ты старику. Ведь он уже давно забыл, что это такое.

Она заартачилась, но я ее уговорил: мол, подвиг добрый совершишь. Грехи твои снимутся. И что вы думаете? Пожалела старого, согласилась. Он давай стараться, и так, и так, да не получается. Заплакал, бедный. Я еще больше пожалел его. Говорю своей партнерше:

- Применяй любые методы! Разожги его!

И что вы думаете? Постаралась девушка! Получилось у старого! Он был в раю, наверно, но вдруг захрапел, закатил глаза - и отбросил лапти. Нас, конечно, судили. Но срок дали только мне. Как зачинщику. Засадили в колонию. А Риту в те же дни увезли в роддом.

Отсидел я только полсрока: выпустили за примерное поведение. Я там и электриком был, и художником. И всем помогал по технической и электротехнической части. Разумеется, не пил. Когда я вышел, то был новым человеком. Теперь я был академик: научился зарабатывать по-всякому и не попадаться! И вообще ...

Доченька наша родилась и в папу, и - в маму. Оба мы Томочку обожали, конечно. И Анатолий к нам ходил по-прежнему. Подруг своих менял, но ни на одной не женился. Надо мной посмеивался: «Женатик несчастный». Я по-прежнему стал выпивать и с приятелями налево ходить. Но жену все еще вроде любил, хоть и не так сильно, как прежде.

- Классический треугольник, - изрек Борода, - но в сюрреалистическом варианте.

- Случился не треугольник, а квадрат. И вот как. В квартире две комнаты снимали мы, а третью - молодой инженер. Приезжаю я раз из командировки и вижу, что у жены в тюбике с контрацептином ничего нет. А было до моего отъезда больше половины.

Сперва Рита применяла хину, но сказали, что это вредно, и она перешла на контрацептин. Презерватив же не любила, да и я не люблю его: это вроде как бы самообман. Верно?

И вот я стал соображать: Анатолий - на курорте. Значит, кто-то другой завелся. Кто? Конечно, сразу подумал на соседа: я уже ловил их подозрительные взгляды. Ну, думаю, если застану их, убью и жену, и подонка подлого этого.

Сумел застать их на месте преступления. Кинулся за пистолетом - нет его. Кто забрал, до сих пор не знаю. Взял было топор в кладовке, но поостыл и отбросил его:

зачем в зоне дни кончать? Соседу сказал, что убью, и он со страху комнату поменял. Рите о нашем разговоре, думаю, передал. Потому что на меня накинулась:

- Ты жалкий пьяница, ты развратник, ты ничтожество! Ты сам виноват во всем!

Ну и так далее. И видеть нам уже друг друга не хочется. И мне все мерещится, как она выдавливает с силой мазь из тюбика: вдруг не хватит?! И все давит, и давит, и давит!!! Будто кино вижу. Смешно, верно?

Никто не засмеялся.

- Если бы не твои эротоманские фокусы, простили бы вы друг друга, и все бы у вас наладилось, - не выдержал Бровастик.

- Ты лучше вспомни, как та кровать качалась, - отпарировал Головастик.

- Друзья, не надо так! Судья у нас у всех Один. Он решит без нас, кто в чем виновен.

Это сказал Бас. И внезапное молчание осмелился прервать только рассказчик.

- Однажды поднялся я на пятый этаж к соседу, сверло на два миллиметра попросить.

Он у окна в бинокль смотрит. Протянул мне. И увидел я: бегают в квартире напротив, тоже на пятом этаже, голые парнишки и девчонки. Пьяные. Потом стали они заниматься приятным делом, а мы друг у друга бинокль перехватываем.

- Приятель, если жена изменяла, почему не разошлись, не начали нормальную семейную жизнь с другой женщиной? - прервал Борода.

- Надо было! Но я вроде еще любил ее. И дочь любил. Думал, не смогу без них. Так вот, встретил я ту девчонку, что жила напротив, и говорю, что все видел. Она вспыхнула, просит никому не рассказывать. Родители, мол, на курорте, пришли приятели-студенты, выпили, ну и забыли шторы закрыть.

Пообещал ей, что не скажу, если со мной встретится. Согласилась. Пришел я вечером с фотоаппаратом, подстриг ей внизу аккуратно - и...

- Вы шантажист и отвратительный развратник! Вы негодяй! - раздался рыдающий голос Сутулого Мужчинчика.

- Возможно, - криворотом приулыбнулся повествователь, - со стороны видней. Но я бы не стал таким, если бы рядом - верная жена. А может быть, такая судьба моя. Ладно, умолк я. Хватит!

- Нет, друг, так не пойдет. Доскажи, - потребовал Карась, которого поддержали остальные мужчины. - Чем кончилось все?

- Вышло очень плохо. Жена нашла те фотографии, отнесла в милицию, девчонка оказалась десятиклассницей, а не студенткой. Я снова получил три года. Строгого.

А когда вышел, оказалось, что жена со мной разведена, из квартиры меня выписала и вышла замуж за соседа, дочка меня знать не хочет.

Я погоревал год - и тоже женился. На очень хорошей женщине. Живем. Как люди. Только болит душа. Потому что жену не люблю. Хотя ценю, уважаю. А думаю, как и прежде, о проклятой Рите. Вот это уже не смешно.

- Пьешь, гуляешь, как прежде? И этой второй жене тоже изменяешь? - ехидно спросил караселищный и карикатурно вытянул шею, подчеркивая требовательное ожидание ответа.

- Нет. Вторая жена сумела всех дружков отшить от меня. Сейчас не пью совсем. Рисую немного. Жена мне позировала с удовольствием. Один портрет был даже на выставке картин самодельных художников. Еще я увлекся компьютером. К слову сказать, я сам его собрал. Да-а. У нас со второй женой, кроме ее сына, - две общие девочки, я их воспитываю старательно. Хоть и не могу любить так, как старшую, Тамару. В общем, все у меня хорошо теперь. Можете улыбаться.

- Ничего хорошего ты не рассказал, только добавил тоски, - промолвил кто-то тихо.

- Хотел развеселить вас, ведь *хэппи энд* в моем рассказе есть.

- *Как бы* есть, - сказал тот же голос.

- Соседи дорогие, нельзя ли рассказать что-нибудь повеселее? - прогремел Бас-Губас.

- Попробую-ка я, - произнес негромкий, но приятного тембра баритон.

Казалось, сейчас этот голос запоет.

Все повернулись к говорившему. Ему на вид было лет около сорока, не больше.

Он сидел на койке, сложив руки на коленях, сияя голубизной молодых глаз.

Произнеся первые слова, голубоглазый встал и оказался мужчиной чуть выше среднего роста, стройным и довольно крепким на вид. Шаги его были пружинисты и легки, когда он ходил вдоль кроватей. Словно лекцию читал, а не о себе рассказывал. Вот поэтому-то я сразу и назвал его для себя так: *Лектор*. И не ошибся.

Рассказ пятый

МАМЕНЬКИН СЫНОЧЕК

- Извините, я привык ходить, когда читаю лекцию. Я преподаватель вуза, кандидат наук. Мой предмет – сопромат, сопротивление материалов. Впрочем, это не важно. Я рос в дружной интеллигентной семье. К несчастью, отец скончался, когда я учился в седьмом классе. Груз моего воспитания лег на плечи матери, талантливого адвоката, но женщины мнительной, нервной. Она следила за моим здоровьем, бывала в школе, даже в вузе. Опекала. Надо мной подтрунивали товарищи. В политехническом я учился увлеченно и успешно. Лишь закончив три курса, я решился ухаживать за девушкой, потому что познакомился в городской библиотеке с Сашенькой, студенткой литературного факультета университета.

Мы бродили по городу, я брал ее под руку, на большее как-то не решался. Но она мне становилась все милее. Сашенька рассказывала мне о любимых поэтах, читала много стихов наизусть. До того я не понимал и не любил поэзию, она же учила меня ценить красоту эпитета и метафоры, силу образа и поэтической мысли. Открыла мне Ахматову, Мандельштама, Есенина, Цветаеву и других поэтов, как Колумб открыл Европе Америку. Однажды моя милая вдруг попросила:

- Поцелуй меня, пожалуйста.

Я робко исполнил ее просьбу.

- У тебя уже был кто-нибудь? – спросила Сашенька тихо.

И тут же еще тише добавила:

- У меня - никого еще не было.

Я тоже признался в том, что никогда еще не дружил с девушкой. Что она моя первая.

- Как это хорошо! - обрадовалась она. - Мама с папой уехали в отпуск, я одна. Пойдем к нам, я хочу сегодня же, сейчас же *БЫТЬ ТВОЕЙ*.

Я поразился, обеспокоился - и проявил... не знаю даже, как назвать это...

- Элементарную трусость, - подсказал сочувственно Борода.

- Да, пожалуй. Я думал: «Раз Сашенька невинна, я не имею права на что-либо до свадьбы. А жениться мне еще рано. Во-вторых, она может забеременеть - и тогда моя мама потребует, чтобы я на ней женился. А я еще не готов к этому». В общем, я как-то невнятно отказался. Сашенька же заплакала с обидой. Не разрешила в этот раз даже проводить ее до автобуса. Не сказала мне больше ни слова. Ушла.

Возможно, счастливо сложились бы наши отношения в дальнейшем, если бы в том же читальном зале я не познакомился через день с Изабеллой, студенткой полиграфического вуза. Мы сидели друг против друга, я работал над курсовой, она же читала что-то по вязанию. Оказалось, что вязание крючком - ее хобби.

Я признался ей в том, что мое увлечение - вышивка болгарским крестом. Пошутил над самим собой по этому поводу, она улыбнулась и ответила мне неожиданной и двусмысленной остротой. Я остолбенел. Эта веселая, крепкотелая шатенка с роскошными волосами, лукавыми темными глазами, свободными манерами будто околдовала меня, отодвинула светлый образ Сашеньки.

Идти домой нам оказалось по пути. Иза взяла меня сама под руку, касалась бедром моего бедра будто нечаянно, прижимала к своей упругой груди мою взволнованную ладонь.

- Мы с тремя моими подругами снимаем комнату. Сейчас ее хозяйка в Сочи, - подчеркнула она, - а соседки мои разъехались на выходные.

Квартира оказалась в том же доме, где жила и Сашенька. Меня зазнобило, когда увидел это. Если бы я в тот момент встретил ее! Увы...

Изабелла пожарила колбасы, вынула из буфета хозяйский графинчик с водкой, и мы мирно поужинали. Я до того никогда не пил водку. Поэтому сильно опьянел и обнаглел. Погасив свет, взял Изу за руку и увлек к кровати. Она не противилась. Сама первая начала целовать меня. Я изнывал от страстного желания, но не знал, что и как делать дальше. Мне бы уйти в тот миг!

- Дай, - выговорил я сдавленно и жалко, ожидая пощечины в ответ.

- Тебе и дай, так ты не сумеешь, - возразила девушка, смеясь. - А вот спасти тебя от возможной боли в яйцах просто необходимо.

Слушатели понимающе заулыбались. Лектор продолжал ровным голосом:

- Не теряя времени, она расстегнула мои брюки - и буквально подоила, подставив тряпицу. Как корову подоила.

Все теперь громко засмеялись, горький смешок издал сам рассказчик. И продолжил:

- Тебе стало легче? - спросила Иза меня ласково, по-матерински.

Я расплакался. Да, расплакался. Попросил позволить мне попробовать по-настоящему.

- Я согласна, попробуй, если сможешь, - не раздумывая, спокойно ответила девушка.

Снова были объятия, поцелуи. И вот я *познал* ее. О, это стало открытием нового мира! Не было границ моей благодарности в тот миг. Я и не вспомнил о Сашеньке, я хотел оставаться с Изабеллой вечно. Но пора было идти домой: мама наверняка потеряла меня, она могла уже быть около обморока.

- Выходи замуж за меня, Иза. Надо только сказать нашим матерям, - пролепетал я.

- Зачем? Не те времена. Мы женимся - нам и решать. Мамаши примут наше решение, - спокойно возразила она.

Мы расписались следующим днем. Ни мать Изабеллы в далекой деревне, ни моя бедная мама не знали о происшедшем.

До сих пор не могу понять, почему Иза согласилась выйти замуж за меня. Ведь она не знала ничего обо мне, не любила меня и даже не уважала, как я понял вскоре. Видно, была какая-то не известная мне причина. Сам я усугубил возможное презрение к себе, потому что по пути из загса признался жене в том, что я в сексе не только жалкий неуч, но уже определенное время как бы и *самоутешитель*.

Заплакал от стыда.

Она вдруг тоже заплакала, запричитала:

- Не стыдись, дурачок, это - у многих, но юноши скрывают. Ты хороший, это я - плохая.

Так, плача, мы пришли к ее дому.

До сих пор не пойму, что было со мной в ту ночь. Я никак не мог насытиться Изабеллой. Какая-то ярость секса владела мной! Наконец, Иза шепотом попросила пощады.

На следующий день я привел ее к себе и возвестил виновато:

- Мама, я женился, это - моя жена.

Бедная мама будто окаменела. Дрожащим голосом обратилась к нам:

- Вы же совсем не знаете друг друга.

- Мама, мы с Изой уже были вместе. И нам было хорошо, - сказал я. - Особенно - мне. Я хочу быть всегда с этой девушкой.

- Ну, если так, я умолкаю, - только и выговорила моя мама. - Но помни, сынок, брак влечет за собой непредсказуемые последствия. Вы, Иза, тем более должны понимать, на что идете: вы станете матерью, это - огромная ответственность.

Иза кивнула в знак согласия. А я... Я был в раздвоении, видел себя со стороны: *Я-не я* играл моим *подлинным Я* в веселой и безумной игре. Я проводил Изабеллу, снова мы с ней предавались плотским утехам. А на следующий день мама, приложив руки к груди, сказала тихо:

- Не знаю, сынок, нашел ты счастье или несчастье, но пусть твоя жена живет здесь с нами.

Все было некоторое время очень хорошо, но вскоре меня постиг удар. Наш декан, веселый сорокалетний богатырь, любимец женщин (несмотря на фамилию Писюнин), улыбнулся мне:

- Виктор, оказывается, мы *однодырцы*: я видел вас с Изабеллой. Я был ее *первым*. Потом было еще несколько неплохих самцов. Но меня она и поныне принимает *вне очереди*. Как она вам?

Я повернулся и ушел. Не оглядываясь. Я надеялся на то, что Изабелла разоблачит хвастуна - и он извинится. Но она призналась в том, что декан не лжет. И пояснила, почему отдала ему свою невинность: это была ее благодарность. Да, представьте себе. Она сказала мне серьезно:

- Он в трудные дни помогал нашей семье.

- Каким образом?

- У него сначала жила моя сестра Ольга, когда училась на акушерку, а потом и я, первые два курса. Мы не платили ему и его жене за жилье, питались с ними. Только помогли по хозяйству.

- Дочь твоей сестры, Леночка, - от него?

- А вот это тебя совершенно не касается.

После этих слов я вскипел, и разыгралась отвратительная сцена, о ней говорить не хочется. Между тем, на курсе я стал предметом насмешек, правда, за моей спиной. Мне об этом рассказали *доброжелатели*. Стало ясно, что Писюнин проговорился кому-то обо мне. Чтобы доказать насмешникам, что я *не жалок*, я сдружился с гуляками, при выпивках рассказывал о мнимых победах над мифическими женщинами. Меня рвало, я болел весь следующий день, проклинал и водку, и жену, и декана, и гуляк.

Рассказчик задумался. Я пожалел, что дал ему псевдоним Лектор. Он *Маменькин сыночек*.

- И, как это ни парадоксально, я все сильнее привязывался к Изабелле, - продолжал свое изложение оратор.

Он мерно ходил вдоль рядов коек и вновь был *Лектором*. Какое-то время еще я размышлял об этом странном человеке и, видно, пропустил нечто важное, во всяком случае - нужное для понимания. Вслушался снова.

-... и переживал ее легкость в связях с такой силой, что ни о чем ином не мог думать.

Ведь она была моей единственной, я только слышал о том, что могут быть прелестны в ласках, в любовной постели и иные женщины.

- Измудохать ее надо было! - взорвался Головастик. - Измудохать и выгнать!

- Чья бы корова мычала! - осадил его Карась. - Сам-то что рассказывал о себе?

- Особенно меня раздражал Писюнин и не только своей фамилией, - вспоминал Лектор. - Однажды я увидел его жену. Она оказалась красивее моей. И это меня обидело почему-то с такой силой, что я подал на развод.

Но оказалось, что Иза беременна, и мама моя восстала, велела забрать заявление.

Она убеждала меня твердо и уверенно:

- Сынок, только не теперь: не время. Это может отразиться на несчастном ребенке. Раз уж ты раньше не сделал этого - потерпи.

- Ты тряпка, а не мужик! Из-за таких, как ты... - выкрикнул Карась и задохнулся.

- При распределении Изу направили в областную типографию, меня - преподавателем сопромата в техникум. Приехали из деревни теща и Ольга с шестилетней дочерью Леночкой. Все вместе мы сняли полдома. Мама осталась одна, но жила поблизости. Теще я явно не понравился.

- То ли дело мой муж, - говорила она. - Колхозом целым командовал. Добытчик! Изменял, правда, но мне как женщине его хватало, а уж семью как он снабжал! Посадили его ни за что. Вот бы тогда твоя мать помогла: адвокат все-таки!

Вскоре Иза родила девочку.

Половина дома состояла из двух комнат.

В проходной, фактически - в кухне, жила сестра Изы, к которой приходил ночевать ее друг. В спальне же располагались остальные: мы с Изой, теща, наше дитя в кровати и девочка Ольги.

- Пусть твоя мама хоть иногда спит с Ольгой и Леной, - потребовал я. - Она нам мешает ночью, пусть изредка и ей тоже мешает.

- Не могу я приказать матери перейти туда. Потребуй сам, - был ответ, - а я не смею.

Но я тоже не решался, неудобно было. Как это – взять да и погнать пожилую женщину...

- Ну и дурак! - крикнул Головастик.

- После рождения Верочки, - игнорируя вопль, продолжал Лектор, - Изабелла стала иной: ласкала меня нежно, давала всякие смешные клички. Я по глазам видел, что становлюсь ей мил. Душа оттаивала. Выпивать с гуляками бросил. Но судьба играла мною. Первый удар нанес пришедший по делу к моей маме приятель Писюнина. Мы с Изой тоже зашли к маме на работу за несколько минут до него и все еще были там. Гость увидел мою жену - и взвыгнул глазами:

- Кого я вижу?! Так, так! Все расскажу! Расскажу все твоей свекровушке!

Иза улыбалась как ни в чем не бывало, я замер. Мама недоумевала. Мерзкий человек и в самом деле рассказал ей про Писюнина, когда мы с женой ушли. Возможно, еще что-то. Мама молчала, но я видел: ей больно.

- Забудем ее прошлое. Лишь бы будущее было хорошим, - промолвила она однажды тихо.

Второй удар я получил через несколько месяцев. Мне нужно было взять у Изабеллы справку с места ее работы. Едва я вошел в проходную типографии, как мывшая окно развеселая техничка, кстати, соседка мамы по подъезду, усмехнулась:

- Вон любовник твоей Изабеллы, Витя зовут. Ты знаком с ним?

Я оглянулся и увидел удалявшегося высокого мужчину, модно одетого. Мне он был не знаком. Сердце заныло. Но я хорохорился:

- Знаю, - сказал я, улыбнувшись весело.

- Смотрите-ка, да он все знает! - ахнула женщина, восхищенно глядя на меня. - Значит, ты и сам хорош гусь! Не отстаешь от жены, да?

Изабелла все отрицала. Но я запомнил одежду незнакомца. И вновь увидел его через короткое время. Он шел с приятелем по противоположному тротуару, показывая на меня. Оба смеялись. Видно, красавец насмеялся над моими ветвистыми рогами. Это было слишком. Я побоялся, что могу убить жену и ушел к маме. Сказал ей, что хочу пожить немного у нее, собраться с мыслями.

А утром появилась Изабелла.

- Почему ты не ночевал дома?

- Мой дом теперь снова здесь.

- Ты что... ушел? Совсем?

- Да.

- В чем дело? Назови причину.

- Нет причин, - солгал я устало.

Она долго не приходила. И вот сам я не выдержал и пришел к ней. Остался ночевать. Она была рада. Мы легли ночью вместе.

- Ты лучше всех! - шептала Изабелла в странном забытии, когда мы ласкали друг друга, сливаясь в нечто единое.

Я остался и на вторую ночь. Наш любовный дуэт прервал стук в дверь.

- Я открою, - всполошилась жена.

Пока я осмысливал ее активный бег к двери и пытался понять, с кем она там тихо переговаривается, ночной посетитель исчез.

- Кто это был? - спросил я.

- Из типографии: надо с утра запустить срочную брошюру для обкома партии, - ответила она как бы спокойно, но дыша сильно и неровно.

Потом разрыдалась и призналась, что приходил тот самый красавец. Они сблизилась, когда я ушел к маме и размышлял, как жить дальше. И он виделся моей теще новым зятем.

- Но я поняла, что люблю только тебя, - говорила Иза, - ты лучше всех, я и ему сказала там, в дверях, что люблю только тебя, моего мужа.

- Не могу тебя слушать! Морду тебе, дураку, набить надо! - закричал Головастик.

И вдруг сник, схватил голову руками.

- А чем я был лучше? Чем?

- Я от ее исповеди словно заболел, я опять ушел к маме. Иза приходила к нам с малюткой Верочкой. Увидев ее, я становился ручным, и жена уводила меня. Но после двух-трех сладких ночей меня снова начинало терзать давнее и недавнее прошлое. Снова - ссора, новое бегство. Я задумал переехать в другой город. Но не успел.

Потому что однажды мама закричала:

- Не мотай всем нервы! Или разводишься, или переходи к ней навсегда! Не мучь меня!

Я ужасно обиделся - и вернулся к жене.

Она снова была нежной и ласковой, я - тоже. Да... Это был наш подлинный медовый месяц. Это было счастье. Но судьба повернулась спиной ко мне снова. Случилось вот что. Один мой приятель поссорился с женой. Встретил меня и зазвал в ресторан, помочь ему *горевать*. Потом потащил меня к какой-то своей приятельнице, та привела подружку и...

- Наконец-то! - захихикал тонко Карась.

- Нет, я не согрешил, - слабо усмехнулся Лектор. - Но о том визите добрые люди сообщили Изабелле. Она словно взбесилась, на нее страшно было смотреть. Она меня прогнала. Навсегда.

Верочка подрастала, и первое ее слово было «папа». Иза увидела нечто мистическое в этом, пришла - и мы помирились. Ради ребенка. Оставаясь по сути чужими друг другу.

- Закончил? - не терпелось Головастику.

- Почти. Я начал преподавать в вузе, защитил диссертацию. Вера вышла удачно замуж.

Уехала к мужу в Ригу. Родила двойню.

- И вы ни разу не изменили жене? - не то спросил, не то укорил Бровастик.

- Случилось странное. Меня пригласили в школу вести факультатив. Завучем оказалась Сашенька, которую я не раз вспоминал, но считал утраченной навсегда. Она была в разводе с мужем. Имела взрослого женатого сына. Мы мирно беседовали о литературе, об искусстве. О странностях судьбы и тайнах души человеческой. Между нами установилась...

- Духовная связь? - улыбнулся Борода.

- Нечто большее: духовное единство. И духовное, и однажды, неожиданно, - сексуальное. Я часто бываю у нее. Это - праздник каждый раз.

- Что же в таком случае удерживает вас с вашей женой? - недоумевал Борода.

- Не знаю. Видно, привычка.

- Не тяните же вы до старости: ваша Иза такой жуткой вашу старость сделает! - рокотал Бас. - Уходите к Сашеньке!

- Боюсь. Я не знаю, какой окажется Сашенька в буднях, в быту. Насколько я смогу к ней приспособиться. И придется горевать о том, что вторая *любовная лодка разбилась о быт...*

- Дождешься: узнает твоя Изабелла - и выгонит тебя, - запророчествовал Головастик.

- Она уже все знает.

Последовали возгласы удивления.

- Да. Сашенька однажды пришла в типографию заказывать какие-то бланки для своей школы и там познакомилась с Изабеллой.

Они разговорились, понравились друг другу. Вскоре Сашенька пришла к нам в гости. Я себя при этом почувствовал отвратительно.

- Еще бы! - ухмыльнулся Карась.

- Иза послала меня в гастроном за вином. А когда я пришел, странно на меня смотрела. Я старался не выдать беспокойства. Сашенька же была само спокойствие. Через час она стала прощаться. Мы с Изой пошли провожать ее. Я был в центре. Они - по сторонам.

- О чем вы говорили без меня? - спросил я Изу, когда мы возвращались домой.

- Так. О жизни. Хорошая она женщина.

Потом я спросил Сашеньку о том же.

- Я сказала твоей жене все то, что сочла нужным сказать, - был краткий ответ. - И поняла, что она хорошая женщина. И любит тебя.

Тогда я решил взорвать создавшуюся неопределенность.

Придя домой, сказал жене с улыбкой: привет тебе от моей л ю б о в н и ц ы Сашеньки. Слышишь, Изабелла? От любовницы!

- Слышу, слышу. Спасибо. И ей - привет, - улыбнулась, не отрываясь от вязания, моя жена. - Хорошая женщина - эта Сашенька. Хорошая.

Больше я ни о чем не спрашивал ни одну, ни другую. Видно, между ними - некий уговор. Отношение Изабеллы ко мне даже потеплело.

Это случилось совсем недавно, и чем оно кончится, не знаю. Пожалуй, я закруглился. Да.

Рассказ шестой

РЯБАЯ ПОТАСКУХА

- Боюсь, что и моя история не покажется вам веселой, хотя речь пойдет, как и у одного из говоривших до меня, не обо мне самом, а о моем друге, - произнес Бас-Губас-Седовлас.

И снова показалось, что от его могучего голоса задрожали стены.

- Мне в жизни вообще везло. Несмотря на все мои ошибки и грешки. Почти двадцать лет я женат. Жена хорошая. У нас четверо сыновей, и я вижу в каждом из них будто самого себя. Но - все по порядку. Чтобы вы поняли мою боль.

Мы с Колей дружили с пятого класса. Жили рядом, друг друга видели целый день: на уроках - за одной партой; дома - то у одного, то у другого готовили задания; бегали вдвоем и по городу, и за городом. Даже во сне встречались. Конечно, как многие мальчишки, мечтали стать космонавтами. И лететь в Космос вместе, как всегда.

Но в восьмом классе захотел Николай сделаться речником. Почему? А вот почему. Мы с ним как-то забрели на пристань. Познакомились там с речниками, подружились с ними. Побывали и у машин, и в кубрике, и на капитанском мостике. И в камбузе - тоже.

Мне-то было просто интересно, а он прикипел: причал рядом с его домом, Коля стал ходить туда без меня, поступил на курсы радистов, окончил их и стал плавать по Волге-матушке. Он вообще-то был сам из себя средний парень, внешне не выделялся. А вот характер у него был героический: на спор ходил по краю крыши пятиэтажного дома, вступался за слабого, презирал вралей и трусов. Всегда был готов подраться, если кто-то лез на рожон. И бывал бит.

Он научился брать аккорды на гитаре, напевал душевно, хоть и негромко. Запомнились почему-то слова из одной его песни:

Полюбил - так одну,

А убил - не моргну...

Конечно, никого он так и не убил, потому что добрый был. А я все учился в школе и мечтал пойти в актеры. В спектаклях, правда, мне из-за низкого голоса давали только роли стариков или негодяев. Зато в армии голос мой сразу заметили, тут же взяли в ансамбль. Пришлось по требованию майора-дирижера заниматься в музыкальном училище на вечернем, чтобы бегло петь по нотам и поставить мой голос. В общем, занят я оказался с утра до вечера, поэтому почти не писал домой. Да и не ездил, хотя всего-то езды несколько часов.

Николай писал мне не часто, я отвечал сперва сразу же, а потом - все реже и реже. Другим я стал: был в ансамбле баловнем, учился, опять же, на вечернем, в Саратовской консерватории, имел успех у девушек. Признаюсь, менял их часто. Бывали и замужние. Как устоять, когда приятная женщина хочет тебя, а ты крепок?!

Прихватил гонорею. Меня вылечили, но врач, суровый такой старик, сказал:

- Пора уняться, а то бесплодным станешь. А что-нибудь хуже подцепишь - крах твоей жизни.

После того задумался я крепко.

Родители тем временем старели, просили вернуться домой - и я, окончив консерваторию, оставил службу, как меня ни уговаривали. В городском музыкальном

училище нужен был преподаватель вокала, и меня сразу приняли. Тут же нахватал халтур, где мог, потому что хотелось обставить классно нашу квартиру и приобрести «Жигули» - порадовать родителей. Халтурил я не как вокалист, а как дирижер хора. Не так уж трудно двухголосным хором самодеятельным руководить. Я справлялся неплохо.

Николай же плавал на мощном буксире с дружной командой. Мы с ним встречались редко. Многие интересы наши не совпадали уже. Однако же зимой, когда у него не было навигации, а в моем училище начались каникулы, мы отправились вместе на пару недель в дом отдыха. Просто отдохнуть и вспомнить былое.

Нас заметили две студентки. Девицы уже в первый день после танцев пришли к нам в палату с бутылкой. И обернулось тем, что Коля женился.

- Силой, что ли, его заставили? – спросил Карась с насмешливым удивлением.

- Да нет. Моя девчонка не цеплялась за меня, у нее был кто-то в городе постоянный. А зеленоглазая, рябая Жанка и после дома отдыха на буксир бегала, пару раз даже плавала с Колей. Приручала: покупала ему галстуки, стирала носки, играла на гитаре его любимые песни. Она играла на гитаре лучше, чем он. Пели они на два голоса. И вдруг заявила Жанка, что серьезный человек ее сватает, и ей пора задуматься о семье, о детях. Что тот жених - обеспеченный, и она сможет бросить институт, *посвятить себя семье*.

Не могу понять, как он клюнул на это. Но факт остается: Коля женился и взял Жанку в дом. Его родители сдались, но переживали страшно: они не терпели ее, поганую бл... Надо сказать, что я отговаривал друга от женитьбы, а потом предлагал развестись, но жена стала ему необходима, он лишь сердился на меня.

Когда он проговорился и она узнала, что я действую против нее, то прямо предложила мне:

- Ты прекрати это дело, а взамен я тебе дам. Любым способом. Каким попросишь. Ну?

Я побоялся сказать ему об этом. А зря, наверно. Надо было рискнуть. Пусть бы знал.

- И вы отказались от ее предложения? - засомневался Борода.

- Разумеется. Эта дрянь мне вообще не нравилась. Да и друга предать было бы подло. Кроме того, в училище приехала из Московской консерватории изящная скрипачка, нас потянуло друг к другу, мы поженились. Рита была толковой хозяйкой, преданной женой, настоящим другом – и я все сильнее любил ее. Зачем мне Жанна?

Началась навигация. Коля отправился в рейс, они буксировали караван барж куда-то на север. Я же попал в цейтнот: пошли смотры хоров; двух моих учеников-вокалистов я готовил к госэкзамену; медовый месяц, сами понимаете. В общем, я снова потерял друга из вида.

Уже была середина июня. Как-то после полудня один преподаватель предложил мне добраться в большую перемену до ресторации, где можно быстро и вкусно пообедать. Сели, заказали, ждем. Оглядываем зал. И кого же я вижу? Да-да, вижу я рябую Жанку, жену Коли, и двух солидных мужчин с ней за столом. Мужчин явно многоденежных и важных.

- Что с тобой? - спросил меня коллега. - Ты чем так взволнован?

В этот момент я заметил, как лысый сосед жмет коленку ей, а она так, знаете, умильно ему улыбается. Второй мужик, жирный, тоже как будто прилепился к рябой. С другой стороны. Она и ему улыбается и отвратительно подмигивает.

Я сказал коллеге:

- Не могу терпеть. Сейчас будет концерт.

Направился медленно к тому столику. Жанка заметила меня и успела что-то шепнуть лысому хахалю. Но мне было все равно: думал об обманутом друге. Подошел и спросил сквернавку:

- Давно видела своего мужа Колю?

- Иди, парень, пока цел, - сказал лысый.

Но он зря пугал: мой коллега уже успел принять меры, пока я шел по залу. Этот рыжий еврей никогда не терялся. Лысый и пискнуть не успел: двое ресторанных громил его придавили, а его жирный приятель, увидев это, сразу сник.

Мне хотелось бить их, всех троих, бить долго, зло, но я взял себя в руки. Жанку взашей вытолкнули из ресторана, перед ее партнерами сразу же извинились: оказались серьезные люди из столицы. Я стал мучиться: сказать другу, чем его жена занимается, или не расстраивать его? Но Николай и сам обо всем узнал. Получил он радиogramму, там были всего три строчки, но жуткие: постарался кто-то из друзей ... или врагов.

А дальше было вот что: Коля, прочитав радиogramму, напился, товарищи его утешали, но это подливало масла в огонь. Вдруг он заявил, что сделает заплыв до другого берега и обратно. Уговоры не помогли: разделся и нырнул в холодную воду с борта. Пришлось погнать за ним шлюпку и силой его вытаскивать. Но он основательно простудился: север, вечер ветреный, холодный, ознобный. Обратный рейс стал для друга последним: воспаление легких, потом - туберкулез скоротечный.

- Почему не прогнал рябую сволочь? Была звездой секса? За что любил омерзительную, продажную девку? - спросил гневно Борода.

- Не знаю. Но он даже простил ее! Верьте или не верьте - ваше дело. Но так оно и было. А я ее видеть не мог. Она была мне противна и своим мерзким голосом с гнусавинкой, наводившим на мысль о залеченном сифилисе; и короткими соломенными неряшливыми волосами; и бесстыжими зелеными глазами; и бледной рябой кожей лица.

- И не хотелось тебе ее попробовать? - зло и ехидно вякнул вопросиком Головастик.

- Шло от нее что-то зовущее: звали ее беспокойные губы, ее маслящиеся похотью глаза, ее вибрирующие бедра. Но нам дан разум, чтобы не поддаваться лукавому. Да, разум.

Туберкулез отпугнул поганку, она сбежала и прислала мужу отвратительное письмо. Я зашел, когда Коля его перечитывал. Лицо друга было изжелта бледно. То и дело кашель сотрясал его исхудавшее тело. Он отхаркивал мокроту в стеклянную баночку и скверно ругался. Наверно, противно это слушать?

- Ничего, мы уж вытерпим, - буркнул караселицей кисло. - Это жизнь.

- Сердце мое болело. Я чувствовал себя виновным в том, что я такой здоровый, удачливый и жизнерадостный. В том, что я не лежу здесь рядом с ним - такой же, как он. В том, что у меня такая славная жена, а у него - сволочь, предавшая его окончательно в самую трудную пору. Но в то же время хотелось скорее убежать из той страшной душной комнаты, убежать от надсадно-судорожного кашля и отхаркивания.

- Прочитай, что пишет мне эта сука, - горестно усмехнулся Николай.

«... ты, чахоточный, - читал я, не веря глазам своим, - скоро подохнешь, ты мне не нужен. Я найду сотни здоровых. В последний раз ты даже не смог, у тебя не встает, ты никуда не годишься. Я имею право на развод и получу его. Не хватало еще заразиться от тебя, скелета чахоточного, туберкулезом...»

- Какая подлая жестокость! - тихо ужаснулся Мужчинчик.

- Какая холодная ненависть к тому, кто любит, умирая, - возразил Бас дрогнувшим голосом.

- Я вспомнил его песню: *Полюбил - так одну...* Рассказчик на миг даже закрыл глаза.

- Та песня тоже кончалась смертью героя. А в том, что мой друг умирает, - продолжал он, - трудно было усомниться. Но я все же произнес лживые слова о том, что все будет хорошо, а когда он поправится, мы *этой гадюке* такое устроим!

- Брось врать, мне осталось недолго, - зло засмеялся Николай и страшно закашлялся.

- Не имеешь ты права так думать. Надо захотеть - и ты победишь болезнь! Надо только верить! - убеждал я его.

Но он снова жутко расхохотался - и я ушел, сутулясь под аккомпанемент мучительного кашля, под душу выматывающий аккомпанемент.

Через несколько дней его похоронили. Не помогло ни собачье сало, ни барсучье. Не помогли никакие лекарства. Между тем, я уверен в том, что если бы рябая потаскуха не покинула его и о нем бы какое-то время заботилась, он победил бы болезнь. Так бывает.

- А что же стало с самой этой рябой? - нарушил возникшее было тягостное молчание взволнованный Бровастик.

- Она покатила вниз. Выгнали из института как задолжницу по всем предметам. В магазине, где устроилась кассиршей, поймали с поличным, когда украла что-то. Но в милицию не сдали: слишком много знала. Просто выгнали. Работала на железной дороге. Кажется, стрелочницей. И жила там в вагончике. Кто-то рассказал, что ее все же посадили на приличный срок. За участие в каких-то грабежах, кажется.

- Так твари и надо, - взорвался Карась. - Из-за таких сук хорошие парни гибнут.

- Хороший парень такую за километр обойдет, - не согласился Трехпалый.

- Хороший на одном гектаре рядом с ней и ср... не сядет, - поддержал Головастик.

- Кто знает, что может случиться с любым из нас? - раздумчиво произнес Лектор.

- Правду люди говорят: любовь зла - полюбишь и козла, - вздохнул Карась.

- Знаете, я верю в возмездие, - завершил свое повествование Бас. - Когда я поступил на работу в музыкальное училище, Николай открыл мне, что Первого Мая напоил и лишил невинности свою соседку-сиротку, студентку-первокурсницу.

- Коля, - сказал я, - ты обязан на ней жениться: ты ее первый, она сирота, и потому будет у тебя верная подруга!

Николай тогда весело рассмеялся:

- Во-первых, я уже вторую целку сломал. А на всех, кому сломал, не женишься. Да и гаремов у нас нет, нельзя. Во-вторых, я не Ромео, а она - не Джульетта. Я ее не насиловал. Просто мне *хотелось*, а ей было *любопытно*. Сама постепенно разрешала все больше. Ну, а когда выпили, дошло *до того самого*. Да с ней и вообще-то скучно. Пресная она какая-то.

Я тогда только и смог сказать:

- Испортил ты, Коля, ей всю ее жизнь. Платить придется, Коля, за это.

Может быть, это мысли звучали в моем сознании. Может быть, я и не говорил так. Но я уверен: *за все надо платить*. Наперед не знаем, когда и как. Думаем, наивные, что все обойдется.

- А ведь он прав, *господа присяжные заседатели*, - вскочил и забежал по комнате Головастик. - Мы платим, платим за все! Ну, кто еще нам раскроется, как попу на исповеди? Не о друге только давайте, а о себе! Да-да, о себе самом! Вот какая должна быть исповедь!

И тогда заговорил тот, что открывал единственной трехпалой рукой консервы.

Рассказ седьмой

ПОСВЯЩЕНИЕ В РЫЦАРИ

- Хочу рассказать о себе и о жене. Это самая добрая, честная и порядочная женщина из всех, которых я знаю. Я, как видите, не красавец и, так сказать, калека. Наполовину - еврей, и даже эта половина - для многих из вас как бы недостаток. Верно? А она... Да вот ее фото. Лицо, как вы знаете, - зеркало души.

Он ловко вынул бумажник из внутреннего кармана, той же единственной рукой с тремя пальцами открыл его, дал нам фотографию размером примерно шесть на девять сантиметров. Слушатели рассматривали ее, передавая соседям, а *Трехпалый* продолжал:

- Я был крепкий парень, далеко не робкого десятка, и жизнь мне улыбалась. Хотя отец мой - еврей, но фамилия Вишневецкие всем казалась польской и даже дворянской. Отец мой, как, видите, и я сам, - голубоглазый блондин, слегка курносый. Говорим по-русски чисто. Нас считали русскими, да и сам я так считал. Но... Но мысли и настроения сверстников и взрослых по отношению к евреям именно из-за нашей непохожести мне были известны. Мать же моя - русская, из глубинки, со всеми народными словечками и присловьями, пословицами и поговорками, песнями и частушками.

Поэтому я себя считаю *человеком с планеты Земля* и ко всем народам отношусь с уважением, а конкретных людей уважаю или презираю за их душу, а не за происхождение. Не скрою, ближе всего мне русский народ. И не только из-за моей

любимой матери. Я россиянин. Патриот. И доказал это в далеких горах, где подорвался на mine всего за день до демобилизации. Судьба, видно.

Долго пролежал в госпитале: мне ведь еще и брюхо повредило. Не чаял и выжить... Если бы не забота родителей и сестричек в госпитале не только о брэнном теле, но и о душе моей, не знаю, что бы стало: то ли алкашом бы сделался, то ли руки на себя наложил бы. Калека ведь!

Мать моя рада была, что я жив остался, а отец, преподаватель истории и директор школы, много со мной беседовал о жизни. Он посоветовал:

- Иди на исторический: у историка нет приборов, проверок тетрадей, а с указкой и картой можно тремя пальцами справляться. Главное - помни: *быть скучным – смертный грех учителя.*

Городок наш далек от областного центра, где находился педагогический институт. В небольшом общежитии для первокурсников не было мест, пришлось снять угол на самой окраине. Учился я хорошо. Конечно, переживал: другие могут все делать, а я даже умываюсь с трудом! Стал тренироваться. Тайно, дома. И, как видите, кое-чего добился. Но не сразу, не сразу. Врачу Венере Умеровой, хозяйке домика, где я снимал угол, я дрова колот, всякие починки и ремонты в доме и во дворе делал, по воду ходил.

И началась у нас как бы любовь.

- Любовь? Как бы? Да еще с самой Венерой? И как бы? - подхмыкнул Карась.

- Да, как бы любовь, потому что Газиз, муж ее, летчик-испытатель, разбился за два года до того, у них любовь была без *«как бы»*, большая. Но жизнь берет свое. Появился я ... Хоть и добивался я чего-то в тренировках, но тосковал от своей неполноценности и однажды, стыдно вспомнить сейчас ... так пал духом, что решил на себя руки наложить, а она заметила, отговорила, успокоила, тогда-то все и *случилось...*

Просил ее не раз выйти за меня. Отвечала:

- Подожди, пока выдам замуж дочурок.

Дочуркам - одной семь лет, другой - три годика. Я хоть и понимал Венеру, и уважал, но росла обида в душе. Все же мирился с ситуацией. Не знаю, как бы было у нас дальше, но вдруг вошла в меня новая любовь, а как - я и не заметил. Прокралась хитро, незаметно. И росла.

Тамара училась со мной в одной группе. Училась она очень хорошо. Но была замкнута, и дивная тайна в ней чудилась мне. Сидела она в соседнем ряду, я все чаще заглядывался на нее. Что-то в ней было как бы даже нездешнее, святое. От любви я потерял покой. На лекции слушать профессора трудно: люблюсь профилем Тамары, родинкой на щеке, повернется - люблюсь глазами милыми. На семинарах ее голос волнует. Заболел я будто. Но в то же время душа моя в небесах парила. И почувствовал: это - на всю жизнь. Это - *не как бы*, а единственная любовь.

Однажды был в институте большой концерт. Трамваи уже ходили редко, шел я домой пешком. Догнал Тамару. Заговорил. Она неохотно отвечала. Тогда я стал рассказывать ей про свой городишко, про веселое детство свое. Старался рассмешить, но не получалось. А она вдруг тихо попросила рассказать, как меня ранило. Слушала, не перебивала.

Я рассказывал ей и про себя, и про товарищей, и про мину, и про госпиталь. А про Венеру - не посмел. Тамара еще спрашивала: о родителях моих, о городке нашем. Про себя - ни слова. Про институт и распределение, которое надвигалось, - тоже. И про других студентов - молчок. Но вот подошли мы к ее дому, который только построили, а дальше - лесок был. Город кончался там.

- Борис, признайся, ты уже миновал свое жилище? И давно? - сердито она спросила.

- Нет, - говорю. - Это совсем рядом. Не беспокойся. Зато подышал чистым воздухом.

И засмеялись мы оба. Потому что смог висел над городом от нового химзавода.

- Спасибо тебе за то, что проводил. Спокойной ночи, - сказала она и подала руку.

Как мне хотелось эту нежную ручку поцеловать!

Вскоре было долгое собрание вечером, и мы после него снова шли домой вместе. Я сказал, что подрабатываю в колонии строгого режима, и она спросила, не боюсь ли я заключенных. Я засмеялся.

- Там дисциплина на уроке лучше, чем в детской школе, - говорю, - в которой нам придется работать. А я ведь и сам был хулиганом: только русачка любимая да отец мой, директор школы, могли укоротить меня. И так до восьмого класса.

- Что же случилось? - спросила Тамара

Мы проходили под фонарем, я увидел ее улыбку, задохнулся - и не сразу смог ответить.

- Вступил я в комсомол, - отвечаю ей хриплым голосом. - Хоть придирались вопросами, но вскоре выбрали комсоргом класса, потом - в комитет комсомола, и пошла иная жизнь. Потом - армия, потом - взрыв. И жизнь - наперекосяк...

Еще несколько раз шли вместе домой. Меня тянуло к девушке все сильнее. Я однажды не выдержал и бухнул:

- Тамара, я тебя люблю. Очень. Если я тебе противен, прогони меня сразу. Чтоб не надеялся. Я понимаю, что я не находка, есть здоровые парни, с обеими руками...

Она остановилась. Молчала, смотрела мне прямо в глаза, но будто не видела меня. Потом объяснила тихо:

- Боря, ты славный, ты мне нравишься как личность. Но я *люблю* другого. Давно. Он через год придет со сверхсрочной, с флота. И мы поженимся. Будь мне просто другом, товарищем.

Так тяжело мне стало, друзья, как я и не ожидал. Но виду не подал, конечно.

- Ты знай, Тамара, - говорю ей, - что есть на свете такой человек, который всегда будет любить и ждать тебя. До самой своей смерти.

Это была правда. Любовь пришла ко мне сильная, глубокая. Я уже не мог даже коснуться Венеры и вынужден был открыть ей, в чем дело. Она плакала. Но потом все же простила меня, и остались мы друзьями на всю жизнь. Дал и ей Б-г счастье. Когда дочери замуж вышли, встретила славного человека.

При распределении я был назначен в родной городишко директором школы. Вот тебе и хулиганишка бывший! В школе, будто специально для меня и моей судьбы, нужен был еще один историк - и я, конечно, снова обратился к Тамаре:

- Поедем, Том, со мной, - предложил ей. - Твой друг вернется, я тебя сразу отпущу. Обещаю: ни слова о чувствах. Просто будет вдвоем легче.

Ну, думаю, рассердится, наговорит мне, кто я и как она на это смотрит. А она отвечает спокойно и в глаза мне смотрит с болью:

- Я согласна, Боря. Мне все равно куда-то надо ехать.

Я же до того обалдел от счастья, что не понял странное «все равно»: думал, расстроилась из-за того, что в аспирантуру ее не направили.

Вишневецкий умолк, глотнул водки, не закусывая. Провел трехпалой рукой по мощной вьющейся шевелюре.

В этот момент мне передали фотопортрет. С фотографии смотрела молодая женщина. Ее лицо было правильных очертаний, нос - точеный, рот - небольшой, рисунок губ - красивый. Ближе к губам - родинка на правой щеке. В целом же и взор, и все лицо выражали одно: холодную строгость. Я вспомнил стихи Николая Доризо:

Стихами слишком поздними

Хочу воспеть красавиц

С морозными, серьезными,

Замужними глазами...

А Вишневецкий продолжал:

- Тамара спросила после распределения, люблю ли я ее по-прежнему, и я ответил, что ничего не изменилось. Тогда она без слов подала мне двойной, весь густо исписанный листок. Это было письмо от ее друга-моряка. По совпадению его тоже звали Борис. Он писал, что нашел другую, что просит его простить, что никогда не забудет то счастье, которое ему дала Тамара. Я понял, что тот Борис был ее первым мужчиной и что она у него - тоже первая в жизни женщина. Что я как бы опоздал ...

- Боря, - сказала любимая, - тебе надо подумать. Не передумаешь - выйду за тебя. Я тебя уважаю, доверяю тебе. Но любви нет, а будет ли - неизвестно. Есть пока только уважение, симпатия.

- Том, - говорю я, чуть не задыхаясь. - Я сделаю все, чтоб ты была счастливой. Все!

- Родители мои о тебе знают, - продолжает она, - у меня от них секретов нет. Если мы с тобой что-то решим, я тебя представлю им. Без их одобрения я не смогу заводить семью. И без согласия твоих родителей - тоже.

Представляете? Так вот ровно, холодно, рассудительно, в таком уважительном совете с родителями! Как будто что-то о покупке дома или даже костюма решается, а не о живых людях, не о нас самих! Я поразился. Но сердце стучало сильно, радостно. Я поверил в свою судьбу, в счастье.

И вдруг вспомнил о Венере.

- Тамара, - говорю я и чувствую, что голос стал сиплым, словно чужим, у меня, - я должен тебе признаться в том, что до встречи с тобой...

- Ты о Венере? Мы с ней разговаривали. Прекрасная, благородная женщина. Думаю, ты понимаешь, я должна была с ней поговорить до того, как что-то решать о нашем с тобой будущем.

От этих слов я покраснел, будто огонь поднесли к моим щекам. И потом долго думал обо всем этом. И решил, что Тамара - не холодная, а святая. *Да, святая!* Она никому не хотела сделать больно: ни нам, ни нашим родителям, ни Венере. Она обо всех подумала, побеспокоилась.

Утром я улетел в свой городишко. Советоваться с отцом. Матери уже полгода не было: умерла от рака. Отец о другой жене и думать не хотел: он однолюб, это и мне передал. Он стал директором школы-интерната, капитальный ремонт вел и пропал там с утра до ночи: утомлял себя, чтобы уснуть сразу. А ночью мама ему снилась.

Отец спросил, в самом ли деле я люблю Тамару. Я ответил, что очень и навсегда. И что до меня у нее был мужчина, но то был не разврат, а была любовь, достойная уважения.

- Лучше бы, конечно, ты был и ее первым, и единственным. Но ты в своих родителей, - сказал отец, обняв меня. - Это, видно, судьба твоя.

Я впервые увидел его слезы - и будто почувствовал его одинокую боль.

Под Новый год мы с Томой поженились. Как объяснить мое счастье?! Тома была ласкова со мной, она угадывала мои желания и вела себя так нежно, что я как бы превращался в ее маленького сына, оставаясь при этом мужчиной-защитником. Она неплохо готовит, я помогал, как мог. Если я нарушал порядок в квартире, которая была при школе, жена меня журила по-матерински. Я готов был разбиться на черепки, как горшок глиняный, лишь бы угодить любимой. И, конечно, был, как в раю.

Правда, жена моя требовала, чтобы на педсоветах я был к ней строже, чем к другим, и это было самое трудное, потому что она педагог от природы. Ученики ее обожают. А наши коллеги поражались моему недоброму, по их мнению, отношению к Тамаре. И искали причину этого. Некоторые заявляли, что я придираюсь к жене *по непонятным причинам*. Тома улыбалась.

Но, как говорится, ничто не вечно под луной. Не успел закончиться медовый месяц, как пришло письмо. Догадались, от кого? Да-да, от моряка. Он, мол, понял свою ошибку, а та, другая женщина - нехорошая, и он хочет вернуть Тамару. Жена дала мне письмо. Прочел я - и окаменел. Спросил, что же будет дальше у нас с ней.

- Будет то же, что было, - ответила она. - Я твоя жена, мы соратники, ты мне стал близок, а он теперь - чужой. Вот и все.

Но я был в тревоге, я потерял сон и аппетит. С трудом шел на урок. А через неделю объявился мой тезка в городке. Сказал мне, что честно просит дать ему поговорить с Тамарой. Что без этого решающего разговора он обратно уехать не может. Говорил он со мной уважительно. Был печален. Мне даже жаль его стало. Он предложил:

- Пусть сама Тамара решит, а мы оба примем любое ее решение. Во всяком случае, я.

Глупо было бы спорить с этим. Тамара оделась и вышла с ним на морозец. Они ходили вдоль улицы вперед-назад на глазах всего городка с четырех часов дня до половины одиннадцатого вечера. Я ждал. Что испытал, словами не передать.

- И как у тебя терпения хватило? - не выдержал Карась.

- Это было трудно. Но я знал, что не в моей власти что-то сделать. Разве что напортить. Хватал то одну книгу, то другую, но читать не мог. Включил телевизор, но он меня только раздражал.

И тут мне в голову пришел иной способ отвлечься - сочинить фантастический рассказ для детей. И страшный, и смешной одновременно. Наметил сюжетец, начал развивать его. Но не мог не думать о Тамаре, о том, что ждет меня. То и дело отбрасывал ручку и бумагу, ходил, точнее, метался по квартире, как зверь по клетке.

Она пришла одна.

Замерзшая. Молчала. Потом заплакала. Я думал, что мое сердце разорвется от боли. А боль эта была не за себя. За нее. Жаль было ее, плачущую, очень. Я решил, что она порвала с тем Борисом, раз одна пришла домой, но *любит его, а не меня*, и потому так переживает. Что со мной осталась только *из жалости к инвалиду* - и судьбу свою оплакивает. Что она еще может и передумать ...

Заговорить боялся! Только поставил перед ней молча стакан чаю горячего и блюдце с вареньем смородиновым. Выпила она чай молча, успокоилась будто немного. И говорит:

- Подойди.

Я подошел.

- Стань на колени.

Я заколебался было, но стал. Жду со страхом, что же дальше будет. Тамара кладет мне руку на плечо и говорит тихо-тихо:

- Посмотри мне в глаза. Так, вижу боль в твоих глазах, муж мой. Боль напрасна. Ты одержал победу, и поэтому я посвящаю тебя в мои рыцари.

Рехнулась, думаю, женушка от длинного разговора с гостем незванным: то плачет, то калеку в рыцари посвящает. А она еще раз всхлипнула - и говорит уже всерьез:

- Ты действительно рыцарь, и я своим ритуалом узаконила это. А он понял, что я уже далека от него. Да, ему тяжело. Но он сам виноват. Мне же никого не надо, кроме тебя. Я тебя, родной, уважаю как директора, люблю тебя и как мужчину, и как мужа. И верю, что будешь *хорошим папочкой*: я ведь беременна.

Тут она улыбнулась, встала, подняла меня с колен, обняла горячо! И вырвалось у меня:

- Почему же ты плакала, Томик родной?

- Тяжело было, милый, вести занудный разговор, - отвечает, - пояснять *тому* Борису, что он уже не нужен мне, и понимать, что он от этого навек несчастен. Но нет, не от жалости к нему я разревелась, а от переутомления. Знаешь, как это бывает у спортсменов на финише? Поцелуй меня.

Мы живем с Тамарой вместе двенадцатый год. У нас с ней - два крепеньких паренька, одному одиннадцать лет, другому - семь.

- Все хорошо, что хорошо кончается, - подвел итог Бровастик.

- Да. Я недавно защитил диссертацию по педагогике и преподаю в вузе. Мы сейчас живем в областном центре, мой отец-пенсионер - с нами. Достроим наш дом, и ее родители к нам переедут. Тамара - не только педагог, но еще и детский писатель. А началось с того, что она нашла тот фантастический сюжет, который я набрасывал в памятный вечер моего посвящения в рыцари. Она продолжила и завершила рассказ. Признаюсь вам, что я люблю ее все с той же прежней страстью. А она...

Он сделал паузу, вкладывая обратно переданную ему фотографию жены.

- А она - совершенство. Иногда я даже думаю, что Тамара - ангел, который ниспослан мне по какой-то неземной лотерее. Любит ли она меня, до сих пор не могу сказать уверенно. Потому что иногда посмотрю на себя сторонними глазами и... А когда бреюсь, одеваюсь-умываюсь, чувствую свою однорукость. Когда приласкать хочу любимую десятью обожающими пальцами - тем более... Но хотелось бы верить и в ее любовь. Потому что, если не любит, значит тайно мучится. Нет, нет. Гнать поганую мысль!!!

- История поучительная. Позвольте мне выразить восхищение вами и вашей супругой, - поднялся со стула Борода. - Теперь, я думаю, можно подключиться и мне. То, что хочу рассказать я, не так удивительно, но тоже поучительно.

Станным казалось, что этот гигант, напоминающий не то голландского, не то шотландского шкипера, говорит не басом, а высоким баритоном, почти тенором.

- Как многие мужчины, - продолжал он, - я подвергался атакам со стороны женщин. Так было и до моей женитьбы, так продолжается и сейчас. Подчас я и сам атакую, но жалел позднее о том.

Один случай запомнился надолго, о нем я и поведаю вам.

Это произошло несколько лет назад. Я оказался в Москве на курсах. Думаю, вряд ли вам интересно, какова моя профессия и что это за курсы. Они были для меня полезны, так как я готовил докторскую диссертацию по важной научно-технической проблеме, а занятия вели весьма серьезные ученые и инженеры-практики, которые касались и моей проблемы. Они возбуждали мой разум, подталкивали к решению трудных вопросов. На занятия ходили также и преподаватели специальных учебных заведений, не имевшие ученых званий. Мы к ним относились довольно снисходительно, хотя некоторые из них поражали не только невоспитанностью, но и умственным убожеством. Были, конечно, и весьма толковые специалисты. Но их оказалось меньше.

В столовой, которая нас обслуживала, мне приглянулась молоденькая повариха, я ей тоже понравился. После нескольких заигрываний в столовой я пригласил ее в общежитие. Оно в том же здании, что и аудитории, и лаборатории, и различные кабинеты курсов.

Не стану скромничать, природа меня одарила, как видите, физически, и, смею уверить, духовно - тоже. Естественно, в моем питании проблем не стало, а вечерами юная повариха приходила ко мне и одаривала своими ласками.

Напарник по комнате нашел шикарную генеральшу-вдову, у которой проводил вечера и ночи, не мешая ни моей работе, ни личной жизни.

Все бы было прекрасно, если бы мое внимание не привлекла вдруг молодая, стройная женщина с высокой грудью и трепетными губами. Она была из группы преподавателей. Как-то на общей лекции я сел рядом с ней. Попытки мои начать далеко нацеленную беседу она упорно обращала на одну и ту же сентиментальную стезю:

- Ах, у меня такие чудные дети! Ах, меня так любит мой замечательный муж!

Вытаскивала семейные фотографии и любовалась ими. Я больше к ней не подсаживался: она показалась мне недалекой мещанкой и ханжой. С красавицей рядом сидел худосочный ухажорчик, из той же группы. Он пожирал ее глазами, но видно было, что она равнодушна к нему как к мужчине, хотя и не гонит его от себя.

Встретил я их как-то в Третьяковской галерее. Ее тщедушный гид распинался перед ней у картины Иванова «Явление Христа народу», а она глядела то на картину, то на публику, явно не слушала и даже не делала вид, что ей интересно.

Потом они разошлись по разным залам, я догнал красавицу и обратился к ней, как к старой знакомой. Она обрадовалась. Я отпускал остроты по поводу музейных экспонатов и их хранителей, она с трудом сдерживала смех. Я старался не быть назойливым. Так как понял, что штурмом ее не взять. Надо приручать!

Через несколько дней я купил два билета в кино и пригласил женщину. Она отказывалась, но я заявил, что это ее абсолютно ни к чему не обязывает. И она, подумав, согласилась. Фильм был довольно пошлый, но эротики хватало. И в один из моментов я как бы нечаянно взял ее руку. Она не возражала. Тогда я поднес ее кисть к своим губам и поцеловал. Лида (так звали ее) тут же выдернула руку и попросила шепотом:

- Не заставляйте меня думать о вас плохо.

Я решил временно отступить, не повторял попытки. А на следующий день ее не было на лекциях. И еще три дня я не видел ее. Наконец, она появилась. Бледная, осунувшаяся, даже словно и не такая аккуратная, как обычно. Я подсел в перерыве между лекциями. Участливо спросил, не заболела ли. Она ответила с неожиданной откровенностью:

- Я не предупредила о приезде и застала своего мужа с любовницей. Дочек он отправил к бабушке, к своей маме, а сам изменял мне.

- Отлично, - подумал я весело, - в обороне крепости изнутри пробита брешь. Осада больше не нужна. Штурм! И - победа!

- Вы подлый негодяй, - прорыдал Сутулый мужичок. - Чужому несчастью обрадовались.

- Это неверно. Не я, так другой сделал бы то же. Возможно, и худосочный ухажорчик. Дело было в ней самой. Она, как и многие другие женщины, на уровне подсознания была готова *изменой отомстить* своему изменнику-мужу. За измену либо убивают, либо действуют по принципу «око за око, зуб за зуб», то есть измена за измену. А то и целая челюсть за один зубик, целый букет измен – за одну измену. Правда, есть и прощающие. По разным причинам.

Не буду вас утомлять подробностями, скажу только, что уже через день она пришла ко мне и после второго стакана доброго крепленого вина избавилась от стыда и страха. В постели оказалась сначала стыдливой и как бы окаменелой. Но я был с ней нежен, заботлив, шептал черт знает что на ухо и лишь потом дал волю своему темпераменту. Она была в восторге. Впрочем, еще ни одна из моих женщин не была разочарована. Надеюсь, так будет еще долго. Я пошел в своих предков, богатырей и бабников. Иногда даже страшно бывает оттого, что нет мне ни от одной женщины отказа и не бывает после сближения ни малейшей рекламации.

Повариха как-то застала меня с Лидой и хотела вцепиться ей в волосы, но я вывел ее в коридор, что-то наврал в оправдание, пообещал ей хороший подарок, и она, подмигнув, удалилась. Лида же за повариху закатила мне сцену ревности. Это расстроило: я не люблю скандалов. Она теперь не стеснялась: приходила ко мне, как домой, делилась с дамами об интимном, и эти восторженные отзывы доходили потом до меня самого. Рассказывая обо мне, называла не Глебом, а Глебушкой, миленочком. Хорош миленочек в девяносто шесть килограммов!

Через пару недель меня эта связь начала тяготить, Лида же, наоборот, все сильнее ко мне привязывалась, становилась все более жаркой и изощренной в ласках.

- С мужем я никогда не испытывала ничего похожего! Только сейчас я почувствовалася женщиной! - восторгалась она. - Ах, всегда бы быть с тобой! Как я буду, когда все кончится?!

Я обеспокоился: у меня семья, отличная работа, кафедра в институте, я без пяти минут доктор наук, мои дети обожают меня, моя умная жена примирилась с недостатками моими. И вот эта деревенщина прилипла, как банный лист!

- Вы циник! - снова вякнул-прорыдал Сутулый мужичок.

- Да не мешай ты, мудака! - тоже рявкнул осатанело Карась.

Его поддержали. Мужичок еще более ссутулился и умолк. Как будто умер.

- Страсть Лидии стала предметом сплетен. Меня осуждали - и оправдывали, обвиняли - и превозносили. Ее - тоже. Она потеряла контроль над собой: пожирала меня взором на лекциях, ласкала прилюдно. Правила в общежитии, надо сказать, были гуманные, не то бы меня просто выгнали оттуда.

И вот однажды Лидия говорит мне:

- Глебушка, милый, не смогу жить без тебя. Мне не нужен никто: ни муж постылый, ни дети, ни мать родная. Только ты, счастье мое. А ты женат, у тебя дети, как и у меня, да еще внук маленький. Неужто бросишь меня, как других бросал? Я все знаю про тебя! Если бросишь, одно останется: наложить руки на себя. Так и знай!

Мне стало совсем не по себе. Думал, нормальная женщина, будет что вспомнить обоим. И на тебе! Наложит руки на себя! Я в это время обнаружил милую даму, конструктора и кандидата наук, с царственной грудью и русалочьими глазами. Она до поры до времени как бы пряталась. Одевалась мешковато. А тут пришла на лекцию модная, вся обтянутая одеждой. И обтянуть было что, доложу я вам!

Как только мы с ней глазами встретились, потянуло меня к ней с силой сумасшедшей. И ее, видно, ко мне повлекло, потому что она пошла на сближение, как пират на абордаж. Я проводил прекрасную русалку домой. Предложила войти, познакомила с мужем, мелким толстячком. Я понял, что несчастный у нее под каблуком. Но не жалеть же его! Кто он мне?!

Она послала супруга в магазин за вином: гость ведь в доме. Заодно дала список покупок, довольно длинный. И велела возвращаться со всеми продуктами поскорее, хотя и ребенку было бы ясно, что это невозможно при таком списке.

Раб явно не хотел уходить, но пошел. Мы же времени не теряли. И как раз успели до его прихода. Не знаю, заподозрил ли муж что-то. Скорее всего, да. Потому что мы были румяны, не отдышались еще, да и глаза еще не успокоились.

Выпили, закусили. Я сказал, что через неделю уезжаю, и бедный не удержался, вздохнул облегченно. Я с трудом подавил смех.

А когда я, наконец, вышел из подъезда, увидел Лидию. На ней лица не было. Я ожидал сцены. Но нет. Только спросила печально:

- Чем она лучше меня? Чем, скажи?!

А я от злости нахлынувшей возьми да и брось ей в лицо, не подумав о последствиях:

- Да просто захотелось свежатинки. Ты мне приелась, милая. Я уже устал от тебя. Извини.

- О-о, вот оно что! - простонала она и удалилась, словно пьяная.

Наутро стало известно, что Лидия ночью бросалась с Каменного моста, но на ее или на мое счастье вслед за нею прыгнул какой-то прохожий и спас ее. При падении бедняжка получила довольно серьезные травмы и лежала в *Склифосовке*.

Я хотел было навестить ее, но, хорошо поразмыслив, решил не делать этого. С русалкой до моего отъезда мы успели еще раз встретиться. Она оказалась не только смелой любовницей, но и умницей. Мы расстались дружески. Теперь, когда я приезжаю в Москву, то стараюсь с ней встретиться.

Вот и все.

- Что же стало с той, с Лидией? - полюбопытствовал Карась.

- Честное слово, не интересовался. Надеюсь, жива и здорова. Иначе меня вызвал бы следователь. Еще тогда.

- Совесть не мучит? - прогремел Бас.

- Почему? Совесть должна мучить ее мужа: с него ведь началось. А ее, бедную, мне жаль. Если бы я знал, что она восплачет ко мне такой страстью, я даже близко не подошел бы к ней. Честное слово. Я хотел хорошего нам обоим.

Надолго придавила слушателей пауза. Каждый думал о своем, тревожном, а мужичник с непонятной ненавистью смотрел на умолкшего рассказчика. Наконец, он встал и заговорил срывающимся, визжащим голосом:

- Она жива, вы правы. Она ради детей вернулась к мужу. Сейчас они простили друг друга и внешне живут мирно. Но нет уже между ними ничего светлого. Может быть, и держит-то их вместе ненависть, которую они скрывают от себя и от других и подавляют с утра до вечера.

- Вы не муж ее? - обеспокоился Борода.

- Если бы! Я бы ей ноги мыл и воду пил, как в народе говорят. Нет, я тот, кого она не захотела в юности и кого прогнала, когда с ней случилось э т о. Но именно я вытащил ее из воды! Да, я! Не узнали меня? Почему? Неужели я настолько изменился? Да, это я, тот «худосочный ухажорчик», тот самый «тщедушный гид». Муж всегда знал, что я люблю Лиду, жалел меня. И понимал. А теперь я сам жалею их обоих. Его ведь соблазнила из любопытства, ради счета, такая же бессовестная чемпионка, как вы! И ту чемпионку, и вас я убил бы. Но зачем сидеть где-то в лагере, если ничто уже не поможет бедной Лиде?! А так я рядом с Лидочкой, и если вдруг к ней, не дай Б-г, придет беда...

- Интересно, как дело поворачивается. - Карась потер руки и встал. - Да, мужики, мир тесен. Хорошо, что сам муж здесь не оказался.

Он захохотал истерически. Смех его показался мне отвратительным.

- По теории вероятности, был один шанс из многих тысяч, а то и миллионов, на то, что последний рассказчик и друг той Лиды встретятся здесь, - сочувственно возразил Трехпалый. - Но этот микронный шанс - увы! - сработал.

- Так, кто еще у нас не рассказывал? - спросил суетливо и радостно Карась. - Никто не должен молчать. Ага, вот сидит молчун! Друг, расскажи что-нибудь про себя. Стесняешься? Ну, так про кого-нибудь. Как некоторые тут.

Все повернулись к тому, кого потревожил карасевидный. Я тоже для себя назвал его *Молчун*.

На стуле сидел человек так называемой среднестатистической внешности. Выражение его лица казалось равнодушным. Взгляд как бы отправился некогда вовнутрь и не захотел оттуда вернуться.

- Мне было интересно слушать всех, - тихо сказал он. - А я сам? Мы с женой живем спокойно. Понимаем друг друга. Друзья у меня такие же спокойные. Разве что о соседе рассказать. Я, возможно, не обо всех подробностях знаю...

- Рассказывайте, мы дофантазируем, - усмехнулся Борода.

Посыпались веселые реплики.

Рассказчик начал все тем же тихим голосом, изредка запинаясь, будто подбирая слова.

Рассказ девятый **МЕТАМОРФОЗЫ**

- Может быть, кто-нибудь из вас бывал в Т.? Нет? Город наш не из больших. Красивый все же. Я там родился, вырос и женился, там работаю до сих пор, а сюда приехал в командировку. В общем, типичный провинциал. В столичных городах теряюсь, вести себя не всегда умею там, попадаю впросак. Поэтому - стесняюсь.

Таким же скромнягой был и мой сосед по лестничной клетке. Но в школе он... Володя... успевал хорошо по всем предметам, а главное - все время рисовал: в тетрадях, в блокнотах и даже порою на стенах. Потом родители купили ему мольберт, краски и прочее. Он стал ездить за город вместе с отцом, художником-любителем. На пленер, на природу. Отдали... Володю... в художественную школу, когда ему было тринадцать лет. Здесь он тоже старался, но учителя-художники сказали его родителям, что парень неплохо рисует, но в их деле звезд с неба не хватает. Заурядный, мол. Все же поступил он в институт на худграф, окончил.

- В средней школе он преподавал? - задал вопрос явно заинтересовавшийся Борода.

- Нет, ушел из учителей. Не сумел поддерживать дисциплину на уроках. И поэтому устроился в художественную мастерскую. Жил... Володя... неплохо: заработки от выполнения заказов были немалые. В свободное же время писал картины. В основном, масляной краской. Иногда - темперой. Но его картины не покупались. Скучали те холсты на антресолях. Женился он довольно рано, едва отслужил в армии, я забыл сказать об этом. А в институт уж потом пошел. Женатым человеком. Да...

Женился мой друг, как всем казалось, очень даже удачно: девушка - стройная, милая, из интеллигентной семьи. Она в то время училась в музыкальном училище по классу фортепьяно. Роста Полина была подходящего почти для любого мужа: метр шестьдесят. Владимир был не намного выше. Парень был, в общем, крепкий, работающий. Не пил, не курил. Чего бы ей не хватало?! Но, видно, не было между ними ни настоящей любви, ни разумного расчета.

Я не сразу это понял...

Володя, видно, как бывает у молодых, внушил сам себе, что полюбил. Ревновал Полину ко всем пням. Мучился этим сильно. Она, думаю, как и он, тоже решила, что любит мужа. Хотя на самом деле оба они просто поторопились иметь под боком: она - мужика порядочного, не слабого и при этом верного, он - жену красивую. Возможно, даже на какой-то миг она и прикипела к нему. А он - надолго прикипел.

Или, может быть, поженились они по совсем другим причинам, которые им и самим были не совсем понятны, а нам - неизвестны. Жизнь - штука не простая. Много есть скрытого, тайного. Много - загадочного, да и глупого - тоже. Заметно было, что его глаза не только за нею ходят, а уж ее глазищи прямо сияют на других.

- Я думаю, мужчине надо нагуляться до женитьбы, чтобы не тянуло налево. А женщине - наоборот, девственницей лучше замуж выходить, - вмешался Борода. - Хотя ... Извините, продолжайте.

- Медовый месяц, мы видели по Володе, прошел счастливо. Он задаривал молодую жену. Заработки его росли, потому что много платят за оформительские работы,

особенно - в рекламе. Работал частенько с шести утра и до самой ночи. Тут Полина сообщает мужу, что поступает в Московскую консерваторию! И не по классу фортепьяно, а по вокалу. Оказалось, что был в училище капустник, там она по ходу дела пела арии - и обнаружилось меццо-сопрано. Уговорили, чтоб по окончании подалась в Москву. Надо было отработать на селе, но и тут как-то обошлось.

- И ее в Москве сразу приняли в консерваторию? - удивился Губастик.

- Приняли! Голос-то был тако-ой! Даже на фортепьяно учиться разрешили одновременно. Когда муж узнал, что его Поленька уедет в консерваторию, с ним случилось что-то вроде обморока. Представляете, ведь он так пластался ради нее, старался выше крыши, а она его фактически бросала на пять лет! Могла бы и на заочное пойти, если бы не хотела разлуки ...

Это он, подвыпивши, при встрече мне рассказал и попросил совета.

- Поезжай, говорю, и ты в столицу, поступай на любую работу! Надо оставаться рядом с ней. Не то - потеряешь жену свою.

Совет был дельный. Но... он, видно, еще с кем-то советовался. Потому что в Москве не стал жить, а летал туда часто, денег у него хватало.

И вот однажды прилетает он, приходит в общежитие, а ее нет. Вечер уже. Девушки из ее комнаты говорят, что у нее репетиция, возможно. Он ждет, болтает с ними о разном. Вот уже и час ночи. Те просят очистить комнату: спать надо. Удалился. Сидит, сонный, около вахтерши.

Та и говорит:

- В чем дело, молодой человек? Почему в коридоре в позднее время? Или Полина выгнала?

Он объясняет. Та тоже забеспокоилась.

- Надо, - говорит, - в милицию сообщить, а то недавно одну изнасиловали. Хорошо, что не убили! Да хорошо ли, если рассудка лишилась?

И только сказала, как слышен топот. Идут. Та самая Полина-жена и с ней трое кавалеров. Посмеиваются над чем-то. Одного Володя узнал: того голосистого певца вся страна знала. Увидела Полина мужа и говорит спокойно своей команде:

- Вот, познакомьтесь, перед вами мой супруг верный. Владимир, ты тоже познакомься.

Обняла его и на ухо шепчет злобно:

- Не вздумай, пожалуйста, устраивать сцену ревности! Убьешь мою карьеру! И между нами все будет кончено раз и навсегда.

Он совсем растерялся, а она специально, что ли, ну обнимать его, ну целовать его! Эти кавалеры сразу давай прощаться: мол, был чудесный вечер, мол, надеемся. Ручку целовали. На него - ноль внимания! И ушли.

Тогда Владимир спрашивает:

- Может, объяснишь, что происходит?

А сам весь дрожит, до того хочется ее стукнуть: ведь от нее винищем разит, как от алкаша какого-нибудь, и глаза - вразбег. Даже не почувствовала она той опасности. И недовольным голосом объясняет:

- Заболел аккомпаниатор, позвонили в консерваторию, просили выручить, а там сразу же порекомендовали меня. Концерт кончился поздно, потом было что-то вроде сабантуйя по поводу большого успеха. Оттуда меня любезно привезли домой. Вот, мол, и все. Ты молодец, что не устроил провинциальную сцену ревности, мол.

Он - свое ей:

- Зачем пила столько, что глаза не в фокусе? Концерт спасла - понятно, а что напилась до такой черты - как прикажешь понять?!

Она снова пояснять стала, да так сердито:

- Я всего-то рюмочку коньяка выпила, но весь день была голодная, вот потому-то и вот так.

Ему стыдно стало. Поверил. Все мирно в тот раз закончилось. Но вышла вскорости почище ситуация. Он снова прибыл без предупреждения. Но днем. Потому пошел не в общежитие, а - к консерватории. Посмотрел расписание, стал ждать. И тут она выходит, а с нею - мужик лет под сорок. Подкатывает иностранная машина. Не успел опомниться... Владимир, как те укатили.

- Да что там?! - закричал Головастик. - У них как? С глаз долой, из сердца - вон! Только идиоты посылают жен одних на курорты, на курсы, и прочее. Потом воют. А твой на пять лет отправил в столицу, к тамошним соблазнам! Устоит здесь лишь горбатая, кривая, лысая, уродина, которую вовсе никто и не захочет!

- Бл... ща не только вдали, а и под боком рога наставит тебе, - возразил Бровастик.
- А вот честная жена и вдали будет верна!

- Стихами заговорил, - захохотал Головастик. - «А вот честная жена и вдали будет верна!» Да где ты видел честную жену? Это когда-то бабки наши были верны от страха перед предрассудками. А как послушать их рассказы, то и тогда некоторые ого-го как гуляли!

Повествующий выслушал перебивших его спокойно. Переждал их и продолжал:

- Что было делать? Не в милицию же звонить! Пошел он в общежитие. В комнате была только соседка Полины, собою дурнушка и злая, конечно, поэтому. Она с большой радостью выдала подругу. Даже пританцовывала... Так он мне уже потом рассказывал. Оказывается, еще тот солист, которому Поля аккомпанировала, положил на нее глаз и сумел, конечно, своего добиться. А потом он уехал на гастроли. Горевала Полина, потому что он ей как мужчина понравился до невозможности. Сама подругам поплакалась. А та дурнушка, понятно, продала ее, рассказала м-м-м ... Владимиру.

Этот же, новый, сорокалетний, тоже был человек не простой: кинорежиссер. Знаменитый - и недавно с женой разошелся. А в Полю втюрился, когда с нее пробу снимали: надо было петь и маленькую роль сыграть в каком-то кинофильме. После той пробы, видно, он ее и в другой роли пробовал - и остался доволен, сволочь... Гм!

Рассказчик словно подавился.

- Видно, вы и сейчас переживаете за соседа, - заметил Борода.

- Да, переживаю! Владимир и верил, и не верил дурнушке. Жену ждал до утра. Просидел на улице у входа в общежитие. Под утро задремал, но тревожно. Все же услышал сквозь дрему, как подъехало такси. Вышла Полина. Он тут же ей все сказал, что о ней думал. С гневом сказал. Она тоже обозлилась и от ярости не стала таиться.

- Да. Так, - говорит. - И надо нам с тобой разойтись: я хочу жить по-своему. Свободы хочу!

Он ударил ее, она вцепилась ему в волосы, кричали оба... омерзительно. Пинали друг друга ногами, упали на землю... Их разняли какие-то молодые люди. Увещевали...

Рассказчик явно утратил свой спокойный тон, его буквально трясло. Но он взял себя в руки.

- Конечно, надо было Володе после этого разойтись. Так бы и сделал. Да была уже Поля, как часто получается для дураков-мужей, беременна. Клялась, что это его, Володи, а не тех ее е...ей - в смысле - ее любовников, ребенок. Что на аборт не пойдет: боится стать бесплодной, если неудачно сделают, как ее подружке одной сделали. И решил Владимир не разводиться, а подождать ее родов. Вам еще не надоело меня слушать? История заурядная вообще-то.

- Можно еще немного потерпеть, - вяло сострил бровастый качатель кровати.

- Пришлось Полине академический отпуск взять, когда время рожать подошло. Родилась девочка, похожая на отца - копия. Этот болван на радостях простил жену, баловал пуще прежнего. Так продолжалось несколько месяцев, пока она была в академическом отпуске и жила дома.

Потом она снова уехала учиться. И тут уж пошел у нее роман за романом. Володя перестал ездить к ней, потому что нашел женщину-врача, постарше себя, но очень хорошую женщину. Притом не беременела. И это для мужчины - рай. А девочка их оставалась у родителей Полины интеллигентных, там у них потихоньку и подрастала она. Дед и бабушка обожали внучку, наняли студентов учить ее языкам, манерам - и всему такому прочему. А та все про маму: где она, моя дорогая мамочка? Верните мне ее! Меня тоже признавала, папой звала, но не тянулась ко мне. И дед потребовал, чтоб Полина вспомнила про свои материнские обязанности. Не то, мол, в центральную газету напишет про ее фокусы, ославит на всю страну - и подобное.

Та уже и в филармонии пела, и в опере - пару раз. Но поверила отцу, испугалась скандала: уволилась, перешла на заочное отделение в консерватории и вернулась домой. Взяли ее по благу завучем в музыкальную школу новую. Работала неплохо, в

филармонии нашей пела, даже на гастроли нет-нет да и съездит. А мужа – будто и нет. Знать его не желает. Володя пить начал. Бросила его из-за этого врачаха, но он нашел художницу замужнюю, которая тоже не беременела.

Вышло так, что раз он зашел к ней в мастерскую, второй раз. Выпили. И – случилось у них.

Полюбила та художница его отчаянно. Будто тяжело заболела любовью. Жил он у нее в мастерской. В раю жил как бы...И тогда Полина задумала вернуть мужа. Пойми женщин! Устраивала скандалы художнице прямо на улице. Бить стала ее однажды. Та не на шутку обозлилась, и драка знатная случилась.

- Опять, опять стихи! - крикнул яростно Головастик и отхлебнул водки. – «*Та не на шутку обозлилась, и драка знатная случилась*». Пушкин!

- Художница однако оказалась покрепче, - продолжал рассказчик, пожав плечами, - и в битве одолела бедную Полину. Шум веселый от этого поединка по городу прошел. После этого Володя к Полине остыл, подал на развод. Муж художницы, нейрохирург, после скандала, конечно, бросил ее, уехал куда-то. Ей оставил все: квартиру в центре, обстановку. А город наш самого лучшего специалиста лишился.

Художница в открытую стала с Володей появляться на людях. Он, наконец, и совсем перешел к ней жить. Но почему-то не стал с ней регистрироваться. И пить не бросил. Еще и ее втянул в это дело. Но вроде бы они довольны своей жизнью. Вот так. Такая вот история.

- А Полина примирилась в конце концов с ситуацией? - странным голосом спросил Борода.

- Как сказать? Во всяком случае, развели их без шума. Тут как раз приехал в командировку какой-то деятель, познакомился с ней - и увез ее с дочкой в Москву. Говорят, он ее бросил, но она поет не то в кабаке, не то в театре каком-то.

- И ваш приятель мирно живет со своей художницей? - все интересовался Борода.

- Да. Мирно живет. Без мук. Даже иной раз налево сбегает. Художница пожурит и простит.

- Последний вопрос, приятель.

Борода встал и пристально посмотрел на рассказчика. Подошел, положил руку на его дрогнувшее плечо.

- Признайтесь, конспиратор, бывая в Москве, вы все еще ищете встречи с Полиной? Я не уверен, правда, что именно так ее зовут. Звоните ей по телефону-автомату? Ходите около тех памятных мест? Ищете встречи с дочерью? - продолжал дотошный Борода, поражая нас этой серией детективных вопросов.

Рассказчик улыбнулся облегченно.

- Вы правы: ее зовут не Полина. Не ищу с ней встречи. Меня устраивает жена-художница, которая не беременеет. А вот с дочерью встречаюсь, когда бываю в Москве. Она умная, все понимает, нас обоих жалеет и по-своему любит, но живет с матерью. Та ей ближе. И еще: я не художник, я настройщик музыкальных инструментов. Считаюсь классным мастером. Зарабатываю хорошо. Живописью балуюсь, но только для себя.

- Ну-ну-ну, - произнес Карась, глядя на Бороду умиленно. – Ты прямо комиссар Мегрэ. Или этот... с усиками... *Ридикюль* Пуаро. В общем, умный *дедуктив* Холмс, который доктор Ватсон. Три раза « ха-ха ». Мне и в голову не приходило, что этот друг рассказывал о себе.

В свете пробуждающегося утра я поймал усталый взгляд «художника» из-под набрякших век. Дернулся искривленный псевдоулыбкой поджатый рот. Но тут же взгляд снова ушел вовнутрь, рот выпрямился. Человек этот снова стал усредненным, неприметным. И как бы даже спокойным, невозмутимым. Как бы ...

Вздremнуть захотелось, но не тут-то было: Головастик вцепился в меня весело:

- Новичок-новичок, за тобою должок!

- В каком смысле?

- Расскажи нам что-нибудь и ты.

Едва он воззвал ко мне, как в памяти моей ярко ожило то, что, казалось бы, давно забыто. И - странно! - захотелось поделиться тем давним, тайным, удивительным и прекрасным, с этими незнакомыми людьми. И еще раз - вспомнить!

Сколько же лет прошло? Много, много.

Но по мере моего рассказа все новые подробности являлись из глубин памяти.

Не все это я оглашал, конечно. Не все.

Старался говорить спокойно:

- В те годы я был хирургом в большой клинике, но подрабатывал также и ночами – в «Скорой помощи». Взял эту ночную работу ради семьи: у меня была красавица-жена, которую я боготворил, и прелестная трехлетняя дочурка.

Однажды, приехав на вызов к раненому, я оказался в бандитском притоне и, пока возился с пострадавшим, разборка возобновилась. Шальная пуля рикошетом попала мне в позвоночник, повредив и мягкие ткани. Мои коллеги-хирурги сказали жене, что я могу остаться беспомощным инвалидом до конца дней. И она, которая клялась, что не мыслит жизни без меня, оставила беспомощного мужа, предала.

К счастью, мой спинной мозг не получил серьезного повреждения. После труднейшей, но успешной операции началась реабилитация. Я сам, поклявшись назло изменнице стать прежним хирургом, помогал себе: разработал и выполнял систему упражнений, которая ускоряла процесс реабилитации. И чудо свершилось: я встал, я двинулся. С каждым днем – еще чуть лучше. Но до нормы было еще далековато.

После выписки из больницы мне дали путевку в санаторий на берегу Черного моря.

Я принимал процедуры, появлялся в столовой в положенное время, ложился спать после отбоя. На танцы, на концерты не ходил. Но делал утром продолжительную зарядку, проходил в день до десяти километров, посещал кабинет физиотерапии, где тратил достаточно времени на разработку костно-мышечного аппарата.

По ночам меня еще тревожили боли. Но они уменьшались. Днем я стал брать лодку вопреки запретам местного врача. Плавал, всеми стилями – тоже вопреки запретам. Загорал на камнях, подальше от остальных: не хотел неизбежных вопросов.

Правда, за столом приходилось общаться. Но я короткими ответами и быстрым уходом приучил соседей не очень-то трогать меня. Это были неплохие люди. Думаю, они не сердились. Сосед мой по палате оказался гулякой, сердцеедом: его не было с утра и до полуночи. После отбоя, через два-три часа, он проникал через окно в палату, быстро и молча ложился. Меня это не беспокоило: я не страдал бессонницей.

Через неделю мой врач, пожилой, но энергичный и веселый человек, обследовал меня внимательно, фундаментально, и сказал мне, удивленно подняв очки-увеличители:

- Если не ошибаюсь, а я ошибаюсь довольно-таки редко, вы, коллега, сможете работать не только хирургом, но даже в цирке акробатом. Или я не доктор Штаркман, или вы назло врагам сможете-таки делать буквально все. Но! После того, конечно, как примете все процедуры и выполните все мои предписания. Не выполните – тоже не беда.

И без того большие черные глаза врача взорвались веселыми искрами, а снова скрывшись за водруженными на переносицу очками, стали пугающе огромными. Он встал, потирая руки, и заразительно засмеялся:

- Уже можете ухаживать за дамой. Пока только ухаживать. Понимаете? Пока, только пока.

Я и сам чувствовал, что дела мои пошли на поправку. Ухаживать? Нет, не хотелось. Но пришлось. Однажды, идя к телефонным кабинам, расположенным в центральном корпусе, я услышал тихий стон. Оглянулся. Девушка стояла, бледная, на одной ноге, держась за дерево.

- Что с вами? – спросил я.

- Подвернула ногу. Тут небольшой камень лежал, я не заметила и... Ой, не могу идти. Помогите, пожалуйста, добраться до скамейки.

Скамья была в двух шагах от нее. Я довел девушку, прыгающую на одной ноге, до скамьи и проверил состояние сустава. Вывиха не было, связка, видно, немного растянулась. Однако девушка еще чувствовала боль. Я вел ее, крепко держа, и она, все

так же, подпрыгивая на одной ноге, дошла до корпуса, который был недалеко. Я остановился у двери ее палаты и, дав пару советов, собрался уходить.

- Спасибо вам - сказала девушка, - вы *оченн* хороший человек. И поэтому я решаюсь попросить вас: опустите открытку в почтовый ящик. Я как раз шла это сделать, но теперь не смогу: вы ведь велели сегодня полежать.

Я ушел, попрощавшись с ней теплее, чем хотелось бы. По дороге случайно взглянул на открытку и невольно прочел: «Милая мамочка, на душе так плохо...» Я не посмел читать дальше. Но возникло некое чувство солидарности с отправительницей послания. Открытку бросил в ящик, переговорил со своей матерью по телефону, а после ужина принес случайной пациентке взятую в столовой порцию. Почему? Могли это сделать ее соседи по столу? Могли. Но мне будто кто-то приказал поступить именно так.

- Я знала, что вы придете. Я *оченн* этого хотела. *Оченн*. И поэтому так в самом деле случилось – вы здесь.

Девушка улыбнулась, и я увидел, что она красива. Почему не заметил этого раньше? Она часто и странно произносила слово «очень», не смягчая и слегка затягивая звук «н».

- Доктор Штаркман был у меня, он сказал, что у вас была пуля в позвоночнике. Вам уже лучше? – спросила она, удивив меня.

- Да, лучше. А почему доктор *вам* сказал?

- Когда он навестил меня, я рассказала, как вы мне помогли. Доктор тоже сказал, что с ногой все будет в порядке. И что вы хирург. И о том, что случилось с вами. Я тоже была ранена... Знаете, что?.. Приходите еще! Мне это сейчас *оченн* нужно! Пожалуйста! Приходите!

- Есть же много других людей здесь. А хирург вам больше не нужен. Извините, но я ...

- Не знаю, почему мне так хочется видеть вас. Наверно, потому что вы помогли. Меня зовут Лариса. Мама называет *Лаися*: в детстве я себя так звала, не выговаривала «р». А вас зовут Сергей Дмитриевич Вердин. Ваша фамилия не от *Верди*? Извините, я, наверно, не в меру болтлива! Вам тоже нужно общение? Не со всяким, конечно... Я чувствую, что общаться нам *нужно*. Или нет?

Она покраснела, снова на глазах ее выступили слезы. Я почувствовал, как что-то застыло-твердое, холодное, грустное и злое в груди моей размягчилось. Сердце снова стало горячим. Я поверил ей: мы нужны друг другу. Почему? Потом пойму, думал я. А сейчас важно сохранить то нежданное и светлое, что возникло!

- Я постараюсь сделать для вас все, что смогу. Я приду к вам, будем общаться, - сказал я, не понимая, что же это со мной происходит.

Можете не верить, но у меня кружилась голова, как от опьянения, я был, как во сне. Но я знал, что *э т о нам ниспослано* и что оно *должно было случиться*.

- Я *оченн* рада, что вы придете, Сергей!

Она сказала это и засмеялась счастливо, звонко, по-детски, всем существом своим. И я увидел, что на щечках ее улыбаются милые ямочки, что у нее чудесные ровные зубки, что высокая грудь ее гордо и призывно красуется, когда голова Ларисы откидывается в заливиستم заразительном смехе. Я был сражен насмешливой стрелой шалуна Амура, сам того еще не понимая. Видно, и Ларисе досталась одна из лукавых его стрел. Сближение развивалось стремительно.

С утра и до вечера мы были вместе. На второй день поцеловались. Поцелуи становились все более длительными и страстными. Я колебался какое-то мгновение в самый решительный момент, и тогда она торопливо прошептала:

- Милый, не бойся, не бойся ничего, я не девушка, ты не возьмешь грех на душу. И я не забеременею. Я хочу тебя. *Оченн!* И ты - меня. Иди ко мне, милый. Миленький, иди же!

Она дрожала от желания, она извивалась, она была сама страсть. Это не могло не передаться. Наше соитие было открытием: никогда раньше я не мог даже представить, что такое наслаждение возможно. Жена моя не была фригидна, знавал я и до брака горячих женщин, но то, что было прежде, по сравнению с тем, что давала мне своими

ласками Лариса, можно было бы уподобить примитивным прозаическим изложениям гениальной поэмы.

Причина счастья была в ней, в *Лаисе*, как и я ее теперь называл и в мыслях, и в общении. В ней, неповторимой. Не во мне и не в моем жарком чувстве, которое так внезапно пробудилось и росло с неизвестной мне дотоле силой.

Мы никуда не ходили: нам хватало друг друга. Мы предавались страсти неистово. Мы стали темой сплетен. Доктор Штаркман отмечал, что я худею, и, посмеиваясь, утешал:

- Коллега, вы же понимаете, что это – здоровое похудание. Хотя я и не разрешал вам.

- Назови меня еще раз *Лаися*, родной, - попросила однажды моя возлюбленная.

Я подчинился.

Она положила головку мне на плечо и застыла в непонятной задумчивости. Я снова назвал ее *Лаисей*, она рассмеялась залиvisto и принялась целовать меня. Но необычно. Иначе: как ребенка – мать, как любимую мать - дети. Погладила меня по голове и посерьезнела.

Умолкла. Застыла.

Я встревожился, почувствовал неладное. Подумал о том, что через четыре дня ей уезжать, а мы ни разу не поговорили о нашем будущем. Нельзя было продолжать так дальше! Еще я думал о том, что ничего о Ларисе не знаю, кроме того, что она что-то преподает в школе и живет с матерью, которую *оченн* любит. О ч е н н! Оченн...

- Лариса, надо поговорить серьезно. О нас. О тебе и обо мне.

- Это ничего не даст. Спасибо и за все то, что было нам отпущено! Тебе ведь хорошо было со мною, правда? Оченн? И мне было хорошо с тобой. Никогда не забуду! Я оченн счастлива!

Опять милое «очень» без мягкого знака!

- Лариса, нам следует оформить наши отношения в загсе. Расстаться с тобой я не смогу: ты мне нужна, как кислород для дыхания. Я приступлю к работе. Буду хорошо зарабатывать. У мамы прекрасная квартира в центре города, мама тебя полюбит. И дочь моя - тоже. Потом мы будем иметь общих детей...

- Замолчи! Замолчи скорее, пожалуйста!

Она разрыдалась.

- Боже мой, зачем ты так привязался ко мне?! То, что ты предлагаешь, невозможно! Пусть нам останутся воспоминания, они прекрасны. И не спрашивай меня ни о чем. Ни о чем! Ни о чем! Уходи, пожалуйста! Уходи. Так надо.

Впервые в жизни я остро почувствовал, где находится мое сердце. Это была сильная боль, словно меч вонзился и застрял там. Я поплелся в медпункт. Дежурил доктор Штаркман.

- Борис Борисович, мне плохо. Сердце. Адская боль. Неужели стенокардия?

- Это бывало раньше? - спросил он, надев фонендоскоп и готовя новенький импортный аппарат для измерения давления крови.

- Нет, впервые.

- Пережарились ли на солнце? Много ли гребли на лодке? Нет? Значит, нервничали?

- Да, понервничал!

- Давление у вас отличное. Боль так и не проходит? Ну-ка!

Он приложил ухо к моей груди, взял пульс. Тут же открыл баночку и вынул таблетку.

- Валидол. Положите под язык и не глотайте ее. Впрочем, вы знаете. Нитроглицерин, полагаю, не потребуется. Проходит? Верно?

- Да. Полегче.

- Попробуйте теперь же осторожненько сделать глубокий вдох. Больно? Ясно. Теперь еще один вдох. Не бойтесь. Выдох через сжатые губы как можно медленнее. Ну, как?

- Отпускает.

- Превосходно. Теперь же выпейте это. Пейте, не смущайтесь. Это не капли Вотчала, это - отличный коньяк. Мой лечебный. Десять граммов в рюмочке. Сейчас вам станет совсем хорошо. А теперь объясните, что произошло. Лариса, конечно?

- Да. Она хочет расстаться навсегда, не объясняя причин. Мы почти поссорились. И я...

- Сергей Дмитриевич, дайте мне слово джентльмена в том, что все останется между нами. И я возьму грех на душу и нарушу медицинскую тайну. Сейчас важнее всего - здоровье, ее и ваше. Все останется между нами? Слово чести?

- Да, Борис Борисович, слово чести. Все останется между нами.

- Я вам верю. Так вот. Первое - эта милая девочка, знайте, замужем. Второе: муж ее - закомплексованный болван, в припадке недоверия он пытался убить эту несчастную.

- Она сказала, что была ранена, но я...

- Как же вы не заметили глубокие шрамы на обеих ее руках?

- Заметил, спросил ее, но она лишь улыбнулась и сказала, что это пустяки.

- Она защищалась от его ножа. Кричала. Соседи взломали дверь. Да. Ее удалось спасти, а мужа ее осудили надолго. Бандит прислал оттуда покаянное письмо. Вчера бедняжка его получила. Думаете, ей нужен этот уголовник? Нет! Но есть одно важное обстоятельство: она беременна от мужа. Пошел пятый месяц. Вы же доктор, как не заметили этого?

Я был оглушен, я был смят его короткой информацией; я понял: настал конец счастью. Так вот почему она не боялась забеременеть от меня! Нет, еще не все потеряно: она может сделать аборт! Да, аборт! Немедленно!

Я сказал об этом Штаркману.

Доктор развел руками. Выпил рюмочку своего *лечебного коньяка*.

- Лично я вообще против аборт, кроме случаев опасности для матери. Медицина считает нормальным прерывать беременности до двух месяцев. Три - уже опасно, но делают. У нее - четыре. Но не в этом дело: милая девочка *верует*, ходит в церковь, считает аборт *у б и й с т в о м*...

- Поговорите с ней! Пожалуйста!

- Думаете, я не говорил с ней? Таки да говорил. Мне самому ее до слез жалко. Но она непреклонна: не хочет быть убийцей *д и т я т и*.

- Мы же любим друг друга! - крикнул я.

Мне показалось, что и голос Ларисы прозвучал издали: «Любим! Оченн!»

- Понимаю вас, но она тут права: долг перед зарождающейся жизнью превыше всего, мой друг, - пожал плечами доктор Штаркман. - Видит Вс-вышний, я хотел добра и счастья и вам, и ей. А вышло наоборот. Простите меня, старика.

Лариса уехала на один день раньше срока. Не попрощавшись со мной. Что я мог сделать, если сама она приняла решение?!

После отъезда любимой я не находил себе места. Борис Борисович заходил в палату, подолгу разговаривал со мной. И усилил чувство долга по отношению к матери и дочурке, которую бывшая жена бездушно отдала ей еще тогда, когда я лежал неподвижно в больнице.

Я не помчался вслед за Ларисой. Я уехал домой. Ради моей дорогой матери, ради доченьки.

Вот и вся моя история.

Рассказ одиннадцатый

ТЯЖКИЙ ГРЕХ

Меня удивило то, что в течение всего моего откровения никто ни разу меня не перебил. Я хотел было сказать об этом вслух, как вдруг раздался возглас вездесущего Головастика:

- Эй, все, кто еще не спит, я нашел дезертира. Вон на той койке в углу лежит длинная и тощая *единица проживания*. Будить?

- Не стоит, - произнес Борода устало.

- А вдруг он нам такое расскажет, что ахнем?! Эй, мужик, твоя очередь - последняя.

Он взял за ногу спящего. Тот мигом вскочил и спросил:

- Кого надоть?

- Тебя *надоть!* - засмеялся Головастик. - Рассказывай. Слышал, как другие распинались?

- Ну?

- Твоя очередь. Давай, не скромничай. Э, да ты старик! Сколько тебе лет, дедуля?

- Не твоя печаль, - сердито промолвил тот, закручивая цыгарку самосада.

Прикурил.

- Семьдесят? - допытывался Головастик.

- А пятьдесят семь не хошь?

- Правда?

- С чего мне врать? Не в милиции.

- Извини, спи давай дальше.

- Нет уж. Я расскажу, мы других не хуже. Хотя я и не шибко грамотный. Потому было со мной такое, что всю жись мою спать не дает мне.

Я сам-то в деревне родился, была она маленькая, совсем никудышняя. Мóлодежь, сами знаете, хотят жить в городе, удирали кто как мог. А у нас что? Коровы да свиньи. Навоз да грязь. Речушка и та малая, куры, как говорится, вброд переходят. Школа - избенка пятистенная, в ей и тогда было, можно сказать, полтора десятка, а ноне и десяти учеников не набирается.

Я сам-то учился до двенадцати лет, все четыре класса прикончил. После того в колхозе подпаском работал. С весны и до холодов, до морозов. Пока было, что щипать коровам. К пятнадцати годам пристали ко мне:

- Пора, мол, тебе идить дальше учиться.

А в пятый класс надоть было пешком идить все восемь кило́метров. До центральной усадьбы. Я сказал имям: «Не хочу. И все тут». Работал сколько-то годков скотником на ферме. Ферма - меньше не бывает, доярки - бабы, я один - мужик. Коров однако немного, справлялся с имя. Но хотел в город. На других некоторых глядя. В те года у нас, у колхозников, пачпорта не было. А без пачпорта в городе не проживешь. Такие-то были дела.

Пока я все думал, как бы мне в город перебраться, меня в армию взяли. Там я себе грамотешки добавил, командиры велели учиться дальше, срамили. Отслужил, как положено, и вернулся в деревню, хоть и хотел жить в городе. И куда меня направили? Да в скотники опять же. Стало меня еще в армии к бабам тянуть: в возраст давно вошел. Надоть бы сватать девку каку-нибудь из деревенских. И посватался бы, да вот Глашка помешала. Санька, мужик ейный, был из себя незавидный и пьяница. А она - грудастая, губастая, жопастая и тоже выпить любила. И как где пойдет пьянка, Саньку упоят мужики, а Глашку все того... используют. Она же тому и рада. Ненасытная, змея. Смех, да и только.

Он улыбнулся, этот крепкий, но какой-то нескладный человек. И стало видно, что глаза его - добрые и смешливые, а морщины темного обветренного лица - глубокие.

- Я ишшо не пробовал бабу. Тихий был, несмелый. Однава мужики меня тоже позвали туды, с Глашкой этой полóжили. Она мне сама и помогла все сделать. На другой день я ейному Саньке в глаза не мог смотреть, будто украл у него чегой-то. Как гляну на его, так и вспомню про то. Однако сколько-то раз участвовал в тех безобразиях. И попривык.

Но тут пришло такое, что все перевернуло! Всю мою жись. Да-а ... Старая училка померла, и новая приехала. Девчоночка: еще школу не кончила, а приехала детей учить. Комсомол, сказала, направил. Клавой звали. Вот она мне и говорит:

- Петр Иванович, вам надоть кончить семилетку. Велели поэтому мне заниматься с вами. Давайте-ка два раза в неделю, по вторникам и пятницам. Вечером. Я уверена, вы все это дело преодолете. Точно. Я вам помогу.

Клава та была худенькая, росточка небольшого, голосок - слабенький. Но характером десяти мужиков стоила. И такая самостоятельная, что ты! Детишки ее любили больше мамы родной. Имям, детишкам, ласка нужна - и строгость опять же. Так

оно и то, и другое с ей было. А я чем больше с ей занимаюсь, тем сильнее меня тянет к ей. День не увижу ее - и места не найду. Как приворожила.

- Что за «имям»? - спросил подсевший ко мне Головастик. - Слышал ты такое слово раньше? Он один так говорит, или где-то все говорят?

- Так говорят некоторые в Сибири, - ответил я шепотом. - То ли чалдоны, то ли самоходы. Как правило, это - необразованные.

- Кто такие чалдоны и самоходы?

- Забыл. Кажется, чалдоны - это коренные сибиряки. Не мешайте слушать, пожалуйста.

- В учебе я плохо шел, - продолжал Петр Иванович. - А почему? Клава старалась, да я не слушал, все думал об ей самой. Гляжу на ее, и совсем другого хочется. Все же одолел пятый класс. И в Клаву по уши влюбился. Тянет и тянет к ей. Ночью снится. Набрался я храбрости: выпил, конечно, перед этим, и предлѳжил расписаться со мной, а она смеется:

- Ну что вы, Петр Иванович, я ишшо должна кончить школу, потом институт, а тогда уж и о замужестве можно подумать. Вам надоть другую искать, которая сейчас замуж выйти хочет.

Я уж и не хожу к той Глашке, не могу. Потому как душа моя болит по Клаве. Она тут как раз попросила помочь на Первого мая. Я, конечно, прибил все лозунги, флаг. Щит сделал. А вечером принес из дому бражки и пирог, что мать испекла. Бражка, кто знает, она подлая: пьешь будто квас, а потом дуреешь и руки-ноги не свои.

Клава сперва не хотела, но я за для ради праздника упробил, выпила стаканчик. А я бражку нахваливал: мол, она слабее квасу, а вкусно! И подливал. Училка моя, конечно, спьянела, сперва смеялась, потом плакать стала, потом свалилась на койку. Просит, чтоб я ушел. Чуть не плачет.

Эх, уйти бы мне тогда! Какой там?! Лежит зазноба на спине, халатик ейный распахнулся. Ударило мне в голову, ох как ударило! Я ведь тоже спьянел. Не совладал я с собою, силѳм взял ее, согрешил, подлец. Пробовала она, бедная, воспротивиться, да где там, не сумела. Кончилось все, я откинулся, а она плачет, плачет, бедная...

- Отблагодарили девушку за помощь в учебе, - брезгливо вымолвил Борода.

- Я уверил, конешно, что должѳн опосля *такого* жениться на ей. Что не брошу ее никогда. А она мне в лицо плюнула.

- Убирайся, - кричит, - зверь подлый! Видеть не могу тебя, скотина! Будь ты проклят!

Назавтра уехала в город. Может, как-то и решилось бы у нас с ей, да тут война подоспела. Я, конечно, добровольцем пошел. Нечего мне было терять, а врага бить - дело святое. Дошел до Берлина. Рядовым пехоты. Имел четыре медали, орден - и получил контузию. Вернулся не в деревню, а в райцентр. Взяли конюхом в больницу. Старался я очень, и главврач меня заприметил. Потому, когда завхоз ушел на пенсию, предлѳжил мне евоное место.

Я согласился. По первости трудно было, конечно. Особо - с булгахтерией. Но потом попривык, ко мне тоже все попривыкли. И говорит мне хирург-парторг, который тоже выпить любил:

- Давай-ка, Петр Иваныч, в партию вступиай. Ты честный, ты пролетариат. Давай.

Я долго отнекивался. На фронте, говорю, не вступил, а тут - тем паче. Да он насел. И я согласился. Дали мне рекомендации, как положено. Истопник больничный дал, парторг и сам главный врач. Пришел я в райком, зашел на бюро, там поспрашивали меня малость. Я имям по работе ответил, а по политике - не очень. Но меня взяли. Конешно, это дело мы обмыли. Я хорошо угостил. Как водится. И вскорости пошел я в райком получать свой партийный дукумент.

Показали мне ту дверь, захожу я - и обмер: стоит передо мною Клава.

- Здравствуйте, Клавдия Михайловна, - говорю ей, - я вот за дукументом пришел. Сказали, сюды. Меня ить в партию приняли.

- Здравствуйте, Петр Иванович, - это отвечает она мне, - приняли вас, знаю. Ну, сейчас получите ваш билет. Завхозом, значит, трудитесь?

- Да, - говорю, - завхозом. Тружусь.

И замолчали и я, и она. Получил я свой документ. Попрощался. Она головой мотнула. Я знакомого в райкоме все ж спросил, какая, мол, она, эта женщина?

- Сурьезная! – говорит. - Ребенок есть у ей, а мужа нет, однако самостоятельная женщина. Подкатывали к ей, да всем от ворот – поворот. Учится на учителя заочно, кончает уж.

Я ишло не женился в ту пору. Но всякое бывало. Живой ведь. А как увидел Клаву, да узнал про ребенка, будто по голове тяжелым меня стукнули: и работа не клеится, и спать не могу. И на женщин не гляжу. Узнал, где живет она, пошел утром и стою, жду.

Смотрю, выходит она с девчущечкой за руку. В садик ведет, значит. Я – за ними. Подойти не насмелился. Девочка не хочет, видать, в садик: плачет, ручонку вырывает. Ох, до чего ж мне захотелось взять на руки дитенка! Клаву приласкать! Я поотстал, но жду ее обратно у калитки. Закуриваю, а руки мои дрожат. Еле свернул цыгарку.

И не заметил, как вышла Клава.

Подошла ко мне. Я хотел было на колени пасть, ноги целовать. Не успел.

- Чего тебе здесь надоть? – спрашивает меня Клава, да так строго-строго.

А я ничего не могу ответить. Нет у меня слов. И язык не работает. Смотрю на ее, а из глаз – слезы. Потому как жалко Клаву. И себя жалко. И девчущку малую. Опустил я голову.

- Запомни! – говорит Клава. - Это *моя* дочь. И *только моя*. Не смей подходить к ней.

И ушла.

Тошно стало мне, пить я стал сильно. Наше дело завхозовское – достать. А без *поллитры* не договоришься ни с кем. Потому и раньше выпивал я, по работе, значит. А тут – не просыхал. Если нет денег на водку, выпрошу у друзей самогона или бражки. А то и у медиков – спирту. Жил я на квартире у женщины. Ее Верой звали. Она с мужем давно разошлась, а при ей двое детей было. В школе учились. Дочку ейнюю Наташей звали, училась в девятом классе. А сына Митей звали. Он учился в шестом. Вера хорошо училась, а Митя – не очень.

- Ты мог бы покороче, друг? Без лишних подробностей, а? – не выдержал Головастик. - Посмотри, скольких людей ты подробностями усыпил! Анестезиолог! Храпят люди из-за тебя.

- Как могу, – невозмутимо возразил Петр Иванович, – не на поезд опаздываю. Однако скоро закончу. Та Вера, хозяйка, мне готовила, стирала. Я ей платил. Вроде все было промеж нами ясно. Так нет же, когда я снова пришел сильно выпимши и с горя рассказал этой гадюке, как у меня все случилось с Клавой. Когда про все ей рассказал, та гадюка, вроде жалеючи, завалилась ко мне в постель середь той ночи...

- Изнаsilовала? – скривился Головастик.

- Вроде того. А утром кричит мне, что дети ейные все слышали и потому, мол, обязан я жениться на ей. Осрамил, мол, ее перед детьми и надо нам это дело как-то подправлять. Она, мол, женщина самостоятельная, а тут, мол, из-за меня, из-за пьяницы поганого, с нею, бедной, горе такое сполучилось! Я, конешное дело, говорю, что ты, мол, сама ко мне приползла, змея. И зачем тебе, мол, такой плохой пьяница? Ищи-ка получше!

- Ах, так ты взад-пяткú? – орет. – Пойду в партийную организацию, чтоб тебя, насильника поганого, выгнали из партии и с работы. Одну опоганил, таперича за меня взялся? Добьюсь, чтоб ты навек в свою деревню убрался отседова.

- Сосед, а сосед, давай покороче, – снова вмешался заплетающимся языком Головастик.

- Ладно, ладно. Клава вскорости уехала. Я поженился с Верой. Взял ее в больницу техничкой. Вместе курили, пили, хозяйство дома вели. Год прошел, она возьми заболеет гриппом да и помри. Я один ее детей поднимал, пока не кончили институт: Наташа – английский знает, училкой стала, Митя – зубным стоматологом работает. Помогаю им их деток няньчить. Вроде внуков моих. Так вот. Все.

- А Клава так и не простила тебя?

- Клава-то? Нет. Уехала в Москву. В цэка работала. Кто я для нее?! А мне она всю жись снится. Правду говорю. Узнал я адрес, писал ей в Москву, каялся, про любовь свою рассказывал. Ни разу не ответила. А на этой неделе у ей удар был, полежала без памяти три дня, да и померла.

Сегодня днем – похороны. Дочка наша вот меня телеграммой и вызвала. А я ведь ее больше не видел, дочку мою, с того разу, как Клава ее в садик вела. Не знаю, как с ей и разговаривать: институтом же заведует. Доктор наук. А кто я?

Эпилог

... И ДРУГИЕ

- Не поспать ли нам, друзья, хотя бы часок? - спросил я.

Ответом был храп Губастика. Впрочем, из одиннадцати постояльцев огромного номера лишь Головастик, Петр Иванович и я еще не спали. И уже не могли уснуть. Потому что город проснулся, шум нарастал.

Я закрыл глаза, но сон не шел ко мне.

Будильник чей-то зазвенел - надсадно и злобно. Обитатели одиннадцатиместного номера, охая, поругиваясь, просыпались. Некоторые опохмелялись, жевали что-нибудь, отбивающее запах перегара изо рта. Брились, одеколонились. Уходили по своим делам. Я вскоре остался в одиночестве.

В дверь постучали.

- Да-да. Войдите.

Вошла горничная, женщина лет сорока пяти. Ее темно-карие глаза показались мне знакомыми. Вернее, похожими на чьи-то, но я еще не мог вспомнить, где видел подобные. Она начала уборку, ворча. Действительно, убирать после той *ночи откровений* было что.

Я спросил ее, где буфет, и удалился. В буфете были яйца вкрутую, черствые булочки, престарелый кефир. Тепловатую жидкость бурого цвета и тряпичного запаха назвала буфетчица цейлонским чаем. Купил я этот чай и жухлый лимон. Выжал кислейший сок в стакан с чайком.

Когда я вернулся, горничная заканчивала уборку. Я взглянул на часы: до назначенной встречи с главным врачом знаменитой клиники - еще целых три часа. Ехать туда на троллейбусе - максимум двадцать пять минут. Вздремнуть бы!

- Провозилась в вашем номере, как в десяти, - продолжала женщина сердиться. - Скажите соседям, что надо быть поаккуратнее.

- Конечно, скажу, - ответил я, берясь за книгу, лежавшую на чьей-то тумбочке.

- Что это вы читаете?

- Собираюсь заново пробежать глазами. Габриель Гарсиа Маркес, «Сто лет одиночества».

- Какое тоскливое название! Могли бы найти что-нибудь веселее.

Она направилась к двери.

- Например, что бы вы порекомендовали?

- Ну мало ли что.

- Вы хоть читали что-нибудь Маркеса?

- Нет, но название не нравится мне.

- По названию трудно судить. Даже по имени автора не всегда можно быть уверенным в том, что он оказался на своем же уровне.

Она вдруг остановилась у двери.

- Вы, наверно, много читаете?

- Не очень, не хватает времени. Работа, домашние заботы, общественные нагрузки. Но хорошая книга - это большая радость для души.

Она будто и не собиралась уходить.

- А этот Маркес хорошо пишет?

- Мне его проза нравится.

- А Пикуля любите?

- Если долго быть в дороге, то Пикуль - как раз то, что надо.

Женщина села на ближайший стул.

- Сколько еще здесь пробудете?

- Думаю, недели две.

- Наверно, вечером в ресторане посидите не раз, не два?

- В ресторане лучше пообедать днем. Если очереди нет, разумеется.

- А вечером что делаете? Водку пьете?
- Нет, вечером я лучше зайду в гастроном или в буфет, куплю бутылку кефира. И булочку.
- А покрепче?
- Можно и это, но только в праздники, дома, в кругу близких.
- Я так и подумала, на вас глядя. Вы какой-то *правильный*. Или притворяетесь. Вам бы в монахи записаться, если не притворяетесь.
- Зачем? Я верю, что Вс-вышнему важно, чтобы люди были *просто людьми*. Не монахами.

- А что значит «быть просто людьми»?
- Это значит развивать свои природные задатки, трудиться радостно, плодиться, не вредя друг другу. Я, как и многие, верую в Разум, Волю и Совесть Человека. Иначе говоря – в Б-га.

- Вы святой. Я сразу поняла. У меня глаз наметанный, я в гостинице уже двадцать лет работаю. Хотя, может быть, у вас в нашем городе есть любовница? Тогда, конечно, все понятнее.

- Представьте себе, нет, - рассердился я.- У меня нет любовниц с того дня, как я женился ...

И осекся: понял, на кого похожа эта женщина. Те же карие зазывные глаза, тот же пухлогубый большой рот. Та же чуть полноватая фигура, только сама женщина намного старше. Но ведь и Лаися сейчас не так молода...

Горничная как бы прочла мои мысли.

- Вспомнили женщину, которую страстно любили? Я угадала? Мы *с н е й* похожи?

- С кем?.. А-а ... Да, вы мне ее напомнили. Однако! Вы не ведьма, случайно?

- Случайно - не ведьма. Но я... как это... телепатична. Даже *оченн* телепатична!

Оченн!

Господи, да что же это?! Она произнесла это слово так же, как Лариса: «*оченн*», с таким же твердым и долгим «*нн*»! Наваждение! Или это сама Лаися? Да нет же! Откуда? Просто немного похожа. И, кроме прочего, это же... горничная!

- Как вас зовут? - спросил я, стараясь показаться равнодушно-вежливым.

Но в то же время я почувствовал дрожь и холод во всем теле.

- Ольга, - ответила она после небольшой паузы. - Разве для вас это важно? Меня можно было бы называть и другим именем. Например, *Ларисой*. Или еще как-то. Вы уедете, забудете и меня, и имя мое.

- Зачем же называть вас другим именем? У вас красивое русское имя. Вернее, варяжское.

- А сама я? Еще могу понравиться? Я ведь уже бабушка.

- Я тоже дедушка, - улыбнулся я и подумал о том, какое счастье, что имя горничной - не Лариса, что моя вторая жена - милая женщина, верная подруга и что сам я тоже верен ей, жене моей славной. Да, но эта ведьма сказала, что ее можно назвать и Ларисой... Странно! Наваждение!

Ольга посмотрела на меня тяжело и пристально, как бы изучая:

- Вы мне нравитесь. Вы мне почему-то сразу *оченн* понравились, как только увидела. И не знаю, почему это так. Странно, верно?

Она подошла ко мне близко, заглянула в глаза. Это был тот самый взгляд, который я так помнил! Ольга вдруг прижалась ко мне, обняла меня и поцеловала таким знакомым сладостным поцелуем! Призрак прошлого, непреодолимое желание охватило меня с давно забытой силою.

Дальнейшее было, как во сне. Ольга подошла к двери и заперла ее изнутри.

Новые поцелуи - жар во всем теле - лихорадочное сближение - одновременный оргазм со стонами, едва не переходящими в крик - и внезапное отрезвление, запоздалое сожаление о происшедшем, невольная благодарность Ольге и одновременно отвращение к себе и к ней. Чувство непоправимости, безысходности.

- Теперь я тебе противна? - спросила Ольга, приводя себя и постель в порядок.

И вдруг зарыдала, упав на койку.

- Двадцать лет проработала - ни разу не позволила... Зачем ты, проклятый, приехал? Нет, прости! Сама я виновата. Недавно муж ушел от меня. Сказал, что у него

есть другая женщина. У нее уже двое детей от него. У нас-то нет детей: аборт я, дура, сделала когда-то. А сегодня, как с ума сошла... Я ведь никогда раньше, никогда!

Она тихонько всхлипывала, сморкалась в кружевной платочек. Она была жалка. Я подумал, что если бы не бессонная ночь, не сумасшедшие ночные рассказы, не сходство с Лаисей, я бы устоял от искушения. И все ли будет хорошо у меня после этого? Или уже не будет?

В дверь постучали. Я почувствовал страх. Ольга, успевшая привести мою постель в порядок, встала с нее, еще раз расправила, подошла к двери, отперла ее.

Головастый мужичник спросил, горя нехорошо глазами:

- Что это вы закрылись? А?

- Какой-то пьяный дурак все ломился, путал ваш номер со своим номером, - ответила Ольга спокойно. - Потом вроде ушел. Его там уже нет за дверью, не заметили?

- Нет, - разочарованно и недоверчиво сообщил Головастик.

- Ну вот и хорошо. И больше так не сорите, мужчины. Еле убрала у вас.

Она вышла, хлопнув дверью сильнее, чем следовало бы.

- А я думал, что ты ее *трахнул*, - сказал сосед. - Они ведь, горничные, все бл... щи. Я еще не встречал ни одной порядочной. Правда, эта старовата, успокоилась уже, наверно. Или нет?

- Не знаю, - сухо ответил я, с трудом сдерживаясь, чтобы не ударить его.

- А я сейчас на такое наткнулся! Не поверишь! Это надо же!

- На что вы наткнулись? Где?

- В вестибюле. Захожу, а милиционер девчонку ведет. Лет шестнадцати девчоночка. Толстые косы - до пояса, с бантами. Сама такая подсадистая. На лице - никакой краски. И вообще на вид - скромная. И одета прилично. А он орет: «Как тебе не стыдно?! Как ты можешь?! Третий раз ловлю тебя, бесстыжая, здесь. Позвонить родителям? В школу сообщить?»

И тут она заплакала.

- Что же она натворила? - спросил я, еще не выйдя из шокового состояния и стараясь не переключать его внимания на Ольгу.

- Как что?! Ее застали в номере с мужиком. Какой-то *кавказец* приставил ее к батарее - и давай, и давай! А она орала - от боли, видно. Потому и милиционер в номере появился.

Головастик выругался матом.

- Прошу вас, подбирайте выражения, - вскипел я. - Однако же странно и страшно то, что вы рассказали. Вам не жаль этого несчастного ребенка?

- Хорош ребенок! Девятиклассница, имеет паспорт. Отец - врач, мать - педагог. Сама - отличница. Знаешь, что ее привело сюда для этого дела? Сама говорит, что троечницы и двоечницы, видишь ли, роскошно одеваются, и она из зависти к ним пошла на это дело. Где же ее духовное богатство, родителями ей данное? Выходит, что грош цена духовному-то, *синьор интеллигент!*

Он рухнул в единственное кресло, возраст которого, видимо, измерялся не годами, а столетиями. Кресло возмущенно взвизгнуло, скрипнуло, горестно шепнуло: «пшшел!»

Головастик, закурив, продолжал:

- Хороший этот милиционер: не увел ее в отделение, сказал, чтобы ушла и больше здесь не появлялась. Просил ее пожалеть родителей, не продолжать это дело. Да-да, пропагандировал и агитировал. И отпустил. Сам чуть не плакал. Вроде тебя, *с э р*. Честно говоря, мне самому ее жаль. От зависти пошла на эту грязь. Видно, не сразу. Не сразу. Но ... Вот она, жизнь наша.

Он сник, жадно затягиваясь, но вдруг многоэтажно, грубо, с истерическим надрывом, выругался. Загасил сигарету - и тут же закурил новую. Обхватил руками голову. Зазвенел телефон. Он снял трубку.

- Как твоя фамилия, мистер Икс? Ага. Есть такой, сейчас позовем. Тебя просит женский голос. Молодой голос! Везучий ты.

Я подошел к аппарату.

- Сергей Дмитриевич? Доброе утро. Это Валя, сестра Светы Удальцовой. Вас устроит место в номере на двоих? Вы будете там один, если не случится заезд очень уж

высоких гостей. Платить будете не за номер, а за койку. Согласны? Тогда спускайтесь, я вас оформлю.

Я выгреб из тумбочки вещи. Попрощался с соседом, ничего не объясняя. Спустился. За окошками были незнакомые женщины.

- Я здесь, здесь я, Сергей Дмитриевич, - послышался голос.

Я оглянулся. Прекрасная, зовная Валя увидела идиотское выражение моего лица и тихо засмеялась.

- Не узнали? Давайте пройдем к окошку.

В течение минуты документы были оформлены дежурным администратором. Валя вошла со мной в номер, села в кресло.

- Сергей Дмитриевич, у меня два билета на спектакль. Вы любите балет?

- Не очень. Кроме того, у меня через полтора часа важное деловое свидание.

- Мы успеем. До спектакля еще четыре часа с лишним. Я пойду с вами на ваше свидание с академиком и подожду в приемной. А оттуда отправимся на спектакль.

- Как? Вы знаете, к кому я иду? Откуда?

- Командировочное же в паспорте.

Она и в самом деле ждала меня там до конца моей встречи, кстати, весьма успешной.

Валя оказалась настоящим знатоком балета. Мы сидели в ложе вдвоем, и она комментировала происходящее на сцене. Я постепенно как бы прозревал, это было похоже на телевизионный урок. После спектакля спутница пригласила меня к себе на ужин.

- А ваш муж как отнесется к этому? - поинтересовался я с осторожностью.

- Он в командировке. Только позавчера улетел в Хабаровск. Но даже если бы и был дома, отнесся бы нормально. Мой муж - умный и современный человек. Он прекрасно понимает, что если я захочу, то сумею изменить ему, даже если он рядом, в одной комнате. Впрочем, и он также.

Я тут же невольно вспомнил рассказ о качающейся кровати...

- Сергей Дмитриевич, давайте выпьем за нашу встречу, - сказала Валя, когда мы пришли к ней и сели за стол. - За то, что после многих лет я получила от судьбы подарок: тот, в кого я девчонкой была долго и тайно влюблена, вновь всколыхнул мою грудь. За то, что он увидел, как я стала красива, и пришел ко мне в гости.

Мы осушили бокалы. Выпили по ее предложению на брудершафт.

- Вижу, вы *не хотите!* - сказала вдруг она. - Вас что-то сковывает. Или я не желанна?

- Валя, вы красивая и зовная женщина, но я сегодня пережил такое ...

- А-а, Ольга. Ерунда это, я все слышала. Там ведь жучок в столе Довольно сильный.

- Что-о? Жучок? Вы слышали все, что...?

- Да, мой друг! На ваше счастье, только я. И больше никто никогда не узнает. Выше голову!

Не стану рассказывать о дальнейшем развитии событий. Оно и странно, и драматично. Не укладывается в рамки обыденного. Оно все еще продолжается. Может быть, когда-нибудь я решусь об этом поведать? Нет, не решусь.

Самое удивительное - моя любимая жена оказалась настолько телепатичной, что *видела* все, происшедшее со мной далеко-далеко от нее в одиннадцатиместном номере, да и позднее. Видела, рассердилась, но *поняла* - и простила.

Во всяком случае, так она мне сказала, когда я на коленях вымаливал у нее прощение. Я целовал ее руки и не находил слов для благодарности. Но она читала ее в моем взгляде.

Дополнение **ОТ АВТОРА**

Повествование о ночных рассказах в старом одиннадцатиместном номере, возможно, несколько затянутое, на этом прекращается. Не получил развития, как видите, и его эпилог. И были тому серьезные, уважительные причины.

И, как говорится, *спасибо за внимание* добрым читателям, у которых хватило терпения прочитать все до конца и не судить автора и его героев слишком жестоко.

Эти ночные рассказы - не выдумка: в разное время автор или слышал их, или был свидетелем и даже участником событий. Свел же героев в фантастическом номере старой гостиницы ради композиции.

Прологом и эпилогом стали рассказы (автор полагает, что они правдивы), слышанные от знакомого кардиохирурга в санатории на берегу Черного моря. Автор менял имена, места событий и иные детали слышанных рассказов.

Не обошлось, разумеется, без какой-то доли вымысла и домысла. Без мучительного желания *исправить* судьбу многих людей, что, как известно, не в силах человеческих.

Автор молит прощения у Вс-вышнего, если умножил свои прегрешения, неверно понимая Его волю в противоречивом процессе создания сего произведения.

Автор просит также прощения у всех рассказчиков и у всех людей, послуживших так называемыми прототипами. И у возвышенных читателей, которые сочли эту книгу аморальной.

«Одиннадцать ночных рассказов» в ряду сочинений автора стоят особняком, это весьма противоречивая книга. Тем не менее, автор надеется, что почерк его узнается теми, кто читал другие его произведения.

*7 января 2010 года,
Рамат-ашарон.
После шестнадцати лет
редактирования.*

**Александр ГЕРЗОН.
“ОДИННАДЦАТЬ НОЧНЫХ РАССКАЗОВ”.**

2010 год.

Печатается в авторской редакции.

Иллюстрации автора.

ISBN

Запрещено копирование, публикация, использование,
а также распространение книги без письменного разрешения автора.____